

ЛАУРЕАТ
«РУССКОЙ ПРЕМИИ»
2014

САША ФИЛИПЕНКО

ЗАМЫСЛЫ

ЗАМЫСЛЫ

РУССКАЯ ПРЕМИЯ

RUSSIAN
PRIZE

■ серия ■
«самое время!»

САША ФИЛИПЕНКО

ЗАМЫСЛЫ

РОМАН

МОСКВА 2015

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4
Ф53

дизайн, макет — валерий калныньш

Филипенко Саша
Ф53 Замыслы: Роман. — М.: Время, 2015. — 160 с. — (Серия «Самое время!»)
ISBN 978-5-9691-1342-8

За свой дебютный роман («Бывший сын», 2014) Саша Филипенко год назад получил «Русскую премию». С первой попытки — диплом первой степени в номинации «Крупная проза». Ну и как после этого садиться за следующую книгу? Тем более, что героя «Бывшего сына», что всех подкупало, автор явно «строил из себя», своей биографии, своих юношеских впечатлений и чувств. Хватит ли ему собственной жизни на следующего героя, не случится ли самоповтора? Повтора не случилось. Зато опять родился яркий, парадоксальный, необычный и остро современный персонаж — профессиональный телевизионный юморист, придумывающий шутки для телеведущих. Дело это непростое. Особенно если сегодня днем тебя уволили, с женой ты только что развелся, а утром от тебя сбежал кот...

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1342-8

© Саша Филипенко, 2015

© «Время», 2015

ЗАМЫСЛЫ

роман

Моей жене Маше

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утром сбежал кот. Второй за год. Пока я искал его, Москва встала в пробку, длинную, как кишка.

Звонит незнакомец. Объясняет, что хочет поговорить о моем отце. Я отвечаю, что все, что касается моего отца — меня не касается. Бросаю трубку. Вслед за незнакомцем звонит бывшая жена. Напоминает, что я должен завезти анализы дочери в лабораторию. Спрашивает, почему я до сих пор этого не сделал. «Просрал», — отвечаю я.

Маленькие красные контейнеры передает теща. Эта женщина никогда не вступала со мной в открытое противостояние, но всегда включала воду в кухне, стоило мне пойти в душ. Двумя руками я обхватываю ее голову и крепко целую. В губы. Теща замирает. Я беру пакет и выхожу.

Телефон продолжает осаду. Трезвонит мой психоаналитик. Сообщает, что я пропустил очередной сеанс. Интересуется: стоит ли меня вообще ждать? «Я же не футбольная команда — чего от меня вообще ждать?»

Я извиняюсь и обещаю, что обязательно перезвоню.

Полчаса ищу нужную мне дверь. Десять минут объясняю пьяному лаборанту, какие именно анализы от него хочу:

— Послушай, старина, здесь есть хоть кто-нибудь потрезвее тебя?

Лаборант не отвечает. Перестает мямлить, улыбается, забирает дерьмо и закрывает дверь. Я уезжаю на работу.

— Пропуск! — гавкает охранник на первом КПП «стакана».

Сперва я даже не понимаю, что этот полудурок имеет в виду.

— Пропуск! — повторяет он.

Я роюсь в джинсах, похлопываю себя по рубашке, проверяю пиджак.

— Нет.

Охранник настаивает. Бронежилет на несколько размеров больше, застиранная рубашка, выцветшая пилотка, отпечаток крепостничества на лице. Этот парень выглядит так, словно только что отснялся в комедийном сериале и еще не успел разгримироваться.

— Кажется, я в машине забыл.

— Пропуск! — еще раз рявкает он.

— Послушай, дружище, ты что, новенький? Я уже сотню лет здесь работаю.

Меня все знают. Я и не вспомню, когда в последний раз брал с собой...

— Пропуск! — в который раз повторяет выпавшее звено эволюции.

«Хрен с тобой, — думаю я, — пропуск, так пропуск...»

Я понимаю: придется ждать. Государство вахтеров. Империя внутренней борьбы. Он пустит меня только тогда,

когда в полной мере ощутит свое могущество. Свою власть здесь, в этой дыре. Словно вода, в этом человеке должна закипеть фраза: «Ладно, проходи». И лишь когда прогремит гром, когда тварь станет богом — турникет мотанет круг.

Я отхожу в сторону. Пытаюсь дозвониться коллегам — никто не отвечает, Лена в том числе. Сценарист опаздывает на работу на три с лишним часа. Этот сценарист я — начисто лишенный склонности к оптимизму репризер. «Дерьмо, — думаю я, — как правило, в это время съемка уже подходит к концу... дерьмо!»

— Ах, это ты... — печально отвечает Лена, когда я наконец дозваниваюсь до нее.

— Хрустальную сову за сообразительность! Может, еще спросишь, где я был?

— Я знаю, где ты был!

— Спустись — меня какой-то полудурок не пропускает.

— Саша, не нужно тебе подниматься... уезжай!

— С какой стати?

— Тебя уволили...

— Очень смешно! Слушай, я ехал на перекладных из Тифлиса. Утром сбежал кот. Голова болит. Мне плохо. Я сейчас не понимаю шуток — тем более ты никогда и не умела шутить — я устроил тебя на эту работу, чтобы ты встречала гостей. Вот и встреть меня, говорю!

— Сейчас...

Пока Лена спускается, я думаю, что все это действительно походит на увольнение. Я знаю, что один из каналов, правда, не наш, поступает со своими сотрудниками именно так. Никто не сообщает вам о разрыве трудового соглашения, никто не вдается в подробности и не объясняет при-

чин, вам просто обнуляют пропуск. «Но, позвольте... — возмущаетесь вы, — у меня в кабинете куча вещей!» — «Как вы грубо о своих коллегах!» — с улыбкой отвечают вам.

В лифте, массируя лицо руками, я обращаюсь к бывшей жене:

— Что ты там шутила про увольнение?

— Я не шутила — тебя действительно уволили.

— За опоздание?

— Да нет, конечно!

— Тогда за что?

— А ты как думаешь?

Я не думаю. Я смотрю по сторонам: набитая телевизионщиками кабина.

Рядом со мной зевает известный ведущий прогноза погоды. Он трет глаза и просматривает метеосводку в своем телефоне. Чаще этого парня ошибается только Гомер Симпсон. За его спиной ковыряется в бумагах диктор новостей. Правнук великого русского писателя. На нем джинсы «Джон Локк» и свитер фирмы «Юм». Из свитера торчат длинные нитки, впрочем, никого это не смущает — все знают, что ниточки ведут прямым в здание за большой красной кирпичной стеной. Ведущий новостей отрывается от своей макулатуры и с какой-то, неведомой мне доселе, радостью произносит:

— Поздравляю! Все сегодня только о вас и говорят!

«Бред какой-то». Я ничего не понимаю. Когда мы выходим из лифта, Лена сама останавливает меня.

— Послушай, не нужно тебе туда. Нино очень зла!

— Это что, розыгрыш?! — у меня быстро работает мозг — за это мне и платят. Я был сценаристом нескольких первых

выпусков одноименной программы. Наверное, думаю я, у этих кретинов наступил какой-нибудь юбилей, и они решили разыграть бывших авторов.

— Это шутки у вас такие, да?! Вы разыгрываете меня?! Поэтому мне сейчас никто не отвечал? Ну ладно, признавайся, где камеры? Где микрофон? На тебе?

— Нет никаких камер, Саш! Нет никаких шуток! Тебя действительно уволили!

— Да за что меня могли уволить?

— Ты хочешь услышать официальную версию?

— Да в задницу себе засунь свою официальную версию! Я хочу понять, что здесь вообще происходит?! Что это за цирк такой, а?

— Не ори! За твой блог тебя уволили!

— Мой блог? Что за хрень? У меня нет никакого блога!

— Может, тебе перестать пить?

— Я серьезно тебе говорю — нет у меня никакого блога! Что ты вообще несешь?!

— Я говорю о страничке, на которой ты соизволил выкладывать части своего будущего романа.

— Романа? Да я только в двадцать восемь лет узнал, что у женщин нет кадыка, о чем я вообще мог написать?! О каком романе ты говоришь?!

— О том, который сегодня читает весь телецентр.

— Что за дерьмо?

— Действительно, дерьмо! Ты отвез анализы?

— Да. Они обещали прислать результаты тебе на почту. Я оставил твой адрес.

— Нужно вызвать мастера. Уже несколько дней не работает wi-fi...

— Пьяный лаборант двух слов связать не мог. Все мямлил что-то себе под нос. Он язык свой будто из жопы достал.

— Я хорошо знаю эту лабораторию — там работают люди с ограниченными возможностями. Господи, из-за твоих родителей ты вечно будешь принимать людей за алкашей...

Лена берет мой телефон, вбивает в поисковике какой-то адрес и нежно целует меня. Вероятно, только в этот момент до меня доходит, что что-то действительно произошло. После развода она ни разу даже руки мне не подала — какие поцелуи?

По коридору бегают продюсеры. Рядом со мной, не поздоровавшись, проходит известная исполнительница. Пипетка. Несколько лет назад, на одной из съемок, я послал ее. Она строила из себя звезду, а я знал, в каком сочинском стриптиз-клубе она раздвигала ноги. Авторов следует уважать. «Надо сматываться», — думаю я.

Открыв машину, я вытаскиваю из бардачка пластиковую бутылку. Делаю глоток. Неприятный, соленый вкус. То, что мне сейчас нужно, — бутират. Я бросаю бутылку на кресло, закрываю машину и решаю прогуляться. А что? Вся эта история даже веселит меня!

Прогуляться получается недалеко. Билет, эскалатор, станция монорельсовой дороги.

Посреди платформы стоит длинная деревянная, не самая уродливая из всех, что я когда-либо видел, скамья. Словно ворон, туда-сюда расхаживает какой-то мужичок. Я думаю, что ему неплохо было бы броситься под поезд. На рельсы. Прибывает состав. Электронный голос объявляет следующую станцию. Я присаживаюсь на скамью и включаю телефон.

БЛОГ САШИ ФИЛИПЕНКО

С сегодняшнего дня я буду выкладывать здесь отрывки своего романа. Роман, смею полагать, будет называться «Замыслы». Для затравки выкладываю сразу несколько глав. Надеюсь, Вам он понравится. И помните — если вы прочтете этот роман — я стану писателем!

Бред!

ЗАМЫСЕЛ ПЕРВЫЙ. Я

Важно начать с начала. Папа говорит, что в Японии возраст ребенка считается с момента зачатия. Если это так, то японцы мне по душе. Мне — семь. Через два месяца, в последний день сентября меня попросят отсюда. После получасового обсуждения родители все-таки назовут меня Александром и в первых числах октября перевезут в квартиру в центре Риги. Если честно — мне не очень-то улыбается становиться очередным гражданином Советской Латвии тридцатого сентября — в этом случае всякий умеющий считать до девяти кретин будет знать, чем мои родители занимались в новогоднюю ночь. Каждый раз, когда какой-нибудь идиот возьмется шутить над этим — я буду бить морду. В остальном, смею полагать, моя жизнь сложится хорошо.

Сегодня утром, поглаживая мамин живот, папа рассказал нам потрясающую историю: один японец выжил во время бомбардировки Хиросимы и, опасаясь новой катастрофы, уехал в Нагасаки. Спустя три дня человек вновь попал в беду — на этот раз бомбили Нагасаки. Папа рассказал, что мужчина спасся

и во второй раз. Японец пережил две ядерные бомбардировки без единой царапины! Мама говорит, что японец выжил только потому, что у Бога был на японца замысел. Папа смеется. Папа в Бога не верит. Папе лень.

Отец часто вспоминает про Японию, потому что служил во флоте на Дальнем Востоке. Папа утверждает, что флот — один из немногих способов взглянуть на мир и привезти ликвидную одежду. Насколько я понимаю, многие граждане великой страны приезжают за белыми носками и к нам, в Юрмалу и Ригу.

Папа попал на корабль при содействии моего прадеда. Прадед — генерал авиации, человек исключительной важности. Моего прадеда все очень любят. Благодаря ему у нас есть квартира в центре Риги (кажется, даже две), «Волга» и дача в Юрмале. Есть дорогая мебель и записная книжка связей. Бабушка говорит, что самое страшное в жизни — потерять записную книжку. Я наматываю на ус.

Мою маму зовут Мария. Маме девятнадцать. Если верить папиным словам (папе двадцать) — мама у нас фантастическая. Папа постоянно это повторяет, но мама не верит. У мамы комплексы. Мама уверена, что в ее положении невозможно быть красивой. Мама настаивает, что с каждым днем она все больше похожа на шкаф. Если выбирать между красивой женщиной и сервантом — я выбираю первое.

Моего отца зовут Саша. Как и меня. Александр. Я буду Сан Саныч. Если верить маминим словам — папа идиот и балбес. Точка. Добавить тут, собственно, нечего. Мама утверждает, что из него ничего не выйдет. «Мы всегда будем несчастны», — часто повторяет она.

Кроме отца, матери и прадеда имеются родственники. Насколько я понимаю, значительным авторитетом пользуется моя

прабабушка. Ее зовут Татьяна. Она из дворянской семьи. До революции у ее отца было несколько фабрик. После — понятное дело — одни проблемы. Прадед (тот, что стал генералом авиации, не приняв участия ни в одном воздушном бою, — генерал пера и пыли, всю жизнь занимался расследованием авиакатастроф) был особенно беден. Уже в четыре года он начал работать погонщиком лошадей в шахте. Целый день маленький мальчик водил лошадку с углем туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Я повторил всего три раза, а он делал это весь день, в четыре года. На первом свидании прадед повел мою прабабушку есть вареные сосиски. Прабабушка стерпела. Ее мать приказала ей стерпеть, объяснив, что если на кого-то и стоит делать ставку в стране строящегося сюрреализма, то только на военного. У нее была осанка, и она была как гончая, а он взбирался на нее как дворняга, потому что иначе не умел. Не знаю, запомнила ли прабабушка на всю жизнь вкус тех сосисок (будет шанс, научусь говорить — спрошу), но, смею полагать, о содеянном она не жалеет. Думаю, жизнь кое-что даже вернула ей. Во всяком случае, не каждой советской женщине муж, находившийся в составе оккупационных войск в Венгрии, передавал с самолетами из Будапешта запеченных фазанов. Вот, но я не об этом.

Вы, скорее всего, заметили, что я сейчас рассказываю не столько о себе в единственном числе, сколько о нас во множественном. Вроде как этот рассказ скорее про «мы», или, в крайнем случае, про «они», но уж никак не про «я». Это не совсем так. Нарратологи, несомненно, поспорят, но пока я здесь, в мамином животе (а скажу вам по секрету, что я только что решил выбраться прямо сейчас), класть я хотел на нарратологов. Так вот, пока я здесь, я — это они. Я — это мой отец, блондин, который очень разочаруется, когда увидит, что его сын — смуглый

малыш с длинными черными волосами, из-за которых у мамы постоянно была изжога. Я — это тетя Стелла, которая стала нашей родственницей, когда бабушка отдала ей своего первого мужа — отца моей мамы. Я — это дядя Гена, брат моей бабушки, чья жена никак не может забеременеть и потому по-прежнему отчисляет Советскому Союзу налог за бездетность. Я — это родители моего отца, которые, насколько я понимаю, не очень любят родителей моей мамы, но все же рады, что сын нашел себе неплохую партию, даже несмотря на то что дед подозревает в своей невестке потаскуху. Я — это брат моего отца, который любит мою маму больше моего отца, но никогда не скажет об этом ни ему, ни, тем более, ей. Впрочем, нет, ей, наверное, все же скажет, но не скажет мне. Я — это узкие улицы Риги, по которым моя мама ходит в магазин, чтобы купить шесть килограммов картошки, которые сейчас тащит домой. Я — это двор, в котором наши соседи обсуждают, что я совсем скоро появлюсь на свет. Я — это лето, наша дача в Юрмале, чемпионат мира по футболу в Германии и 1974 год. Ну, я пошел...

Дурачье! Бутират действует — мне смешно. Кто-то решил разыграть меня. Я улыбаюсь. За все это меня, конечно, не могли уволить. Я продолжаю читать.

ЗАМЫСЕЛ ВТОРОЙ. ТЫ

Лежишь в своей комнате. Прислушиваешься к соснам. Деревья подражают шуму моря. В доме тишина. По сравнению с тем, что творилось на протяжении всего вечера, — это даже не тишина, но смерть. Еще полчаса назад здесь было человек

двадцать. Друзья отца, любовницы и жены. Все эти люди пили, роняли бокалы и пели песни. Они веселились, спорили и перекивались друг друга. Теперь затишье. Ты слышишь, как в кухне капает вода. Луч света из коридора падает на фигурку жирафа. Здесь так тихо, что ты слышишь, как тикают часы, которые прадед когда-то привез из Будапешта. Кто-то в ванной. Там отец или мать, но это не так уж и важно — тебе уже известно, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Последние гости ушли полчаса назад, и, значит, осталось всего ничего, через несколько мгновений начнется скандал.

Тебе страшно. Ты знаешь, что родители пьяны. Тебе десять лет. У тебя большой опыт. Ты знаешь, чем заканчиваются гости. Страх заполняет твою грудную клетку, плечи и живот. Ты знаешь, что предстоящее бедствие не предполагается, но реально. Ты чувствуешь слабость в руках. Хотя организм мобилизован, сейчас ты не смог бы сломать и карандаш. Еще несколько часов назад, в полночь, ты слышал, как, понося отца, пьяная мать пыталась совладать с собственными губами и языком. Мать кричала, отец кричал в ответ. Ничего нового. Мама редко подбирает новые слова. Те, что она выбрала несколько лет назад — до сих пор работают безотказно. Если бы не дядя, который предложил выпить еще — скандал бы начался гораздо раньше.

Хорошее упражнение для мозга. Без пяти минут разминка в клубе веселых и находчивых. Четыре часа утра — время спать, но у тебя есть всего тридцать секунд, чтобы остановить взрослых. Ты понимаешь, что прямо сейчас, в эту самую минуту, во что бы то ни стало должен скинуть с себя одеяло и выбраться из кровати. Ты понимаешь, что обязан оказаться в гостиной, иначе начнется драка. Прямо сейчас, в миг этот, ты должен рассказать им какое-нибудь смешное стихотворение или спеть песню, в ко-

торой забавно переделал слова. Другого способа переключить пьяное сознание родителей нет. Ты знаешь, что они любят веселье. Мама часто берет тебя на танцы. Ей это нравится. Ты пытаешься придумать эту, шутку, репризу, но ничего не выходит. Ты не можешь. Тебя мучает тревога. В тебе варится ужас. Тебе не собраться. Слишком сложная задача. Слишком поздно. Тетива тугого лука уже натянута. Ты сам виноват.

«Дурак! Дурак! Дурак!».

Еще утром ты знал, что вечером будут гости. Ты мог подготовиться, что-нибудь придумать на перемене, но ты понадеялся на лучшее. Зря.

Пощечина. Сильная. Открытой ладонью. Отец наотмашь бьет мать. Как ты определил? Со временем можно научиться многому. Тебе десять, ты еще не знаешь, что у страха бывает два нейронных пути, но прекрасно осведомлен о том, что происходит в соседней комнате. Ты слышишь, как мама падает на ковер и начинает кричать: «Ты что, мудака, совсем?!» В этот момент ты еще не знаешь, что запомнишь эту фразу на всю жизнь.

Ты знаешь только, что ближайшие несколько часов не заснешь...

«Животное! Сука! Сука!»

Удары повторяются, разбивается бокал. Ты собираешься с мыслями: «Давай, Сань, давай, решай, пожалуйста, скорей!». Анекдот не получается, шутка тоже. Через много лет ты станешь человеком, способным переписать пять конкурсов за ночь, но пока этого не выходит, нет. Ты понимаешь, что достаточно было бы уже того, чтобы просто заткнуть мать. Прямо сейчас — все, что тебе необходимо — заставить ее замолчать. «Забейся, пьяная тварь! Терпи и молчи!» — вот все, что нужно было бы сказать, но ты опоздал. Так уже не получится. Не случится. Не выйдет. У этой ночи будет другой, совершенно

точно не тобой написанный сценарий. Поплывшая мать начнет провоцировать отца. Отец поддастся. Мама захочет сделать побольше. У мамы получится. Яго в юбке. Ей бы поджигать Рейхстаг или Рим, управлять глейвицким или майнильским инцидентами, но она ограничится лишь своим мужем. Как змея, она будет бросаться на него. Словно загнанная в угол крыса, окровавленная, она будет защищаться и кричать гадости. «Животное! Ублюдок! Тварь! Тварь! Тварь!» Она будет царапаться, шипеть и брызгать слюной. Ты знаешь, знаешь, что через несколько секунд полетят бокалы, вилки и ножи. Полетят бутылки, шкатулки и фотографии прадеда. Полетят удары и глупые, ублюдские, не достойные мужчины папины слова: «А ты у него с солью сосеешь или без?!»

И ты будешь лежать в своей кровати и думать, что если один из них убьет или покалечит другого, то все наконец закончится. Что если кто-нибудь кому-нибудь, в конце концов, попадет в глаз или хотя бы отрежет палец, то они наверняка помирятся, и заживут по-новому, и, быть может, даже перестанут пить...

Только этого не произойдет. Произойдет другое. Будет так: в комнату вбежит мама — мама будет кричать: «Сыночка! Сыночка! Защити! Прошу тебя — защити меня! Посмотри, сыночка!» — мама протянет тебе свой окровавленный зуб и продолжит просить о помощи. Ты будешь смотреть на ее заплывший глаз, на тонкую струйку крови и, прячась под одеялом, станешь звать к вбежавшему следом отцу: «Нет! Нет! Папуля, любимый! Нет, пожалуйста, не бей ее! Папуля, пожалуйста, я тебя очень прошу, не бей, ради меня!»

Ты знаешь, что так и будет. Прямо сейчас, когда раздался первый удар, когда звучит увертюра мерзости, ты знаешь, что будет именно так, ибо так было, так есть и так будет. И в этом

есть маленькая радость и счастье, потому что тебе известна программа. Ты понимаешь, что это не навсегда, что это всего-навсего до утра. И в середине ночи отец остановится. И повалится на кровать. И он заплачет, и любой другой ребенок, вероятно, обрадуется завершению скандала, но только не ты. Ты будешь знать, что это только середина. Но и это хорошо, ведь это уже середина и, значит, осталось всего ничего! И, пользуясь тем, что ты пришел на помощь, мать продолжит орать: «Мразь, ублюдок, животное! Пошел вон из моей квартиры! Это моя квартира! Это квартира моей мамы! Ты здесь никто! Слышишь, говно, — ты никто!».

«Замолчи! — закричишь ты на мать. — Папа, папуля, любимый, не обращай на нее внимания! Она пьяная! Палочка, пожалуйста, только не бей ее, она пьяная!»

И будет ночь, и ты будешь знать, что всегда необходимо думать не о правде, не о том, кто прав, кто виноват, но только о том, кто сильнее, и кто может победить, и кто, скорее всего, доведет дело до конца, потому что конец и есть правда.

Тебе бы стать дипломатом. «Давайте говорить не о том, что нас разъединяет, а о том, что нас объединяет». Все мы хотим спать. Давайте отталкиваться от того, что все мы хотим спать, от того, что, по разным причинам, вы все равно не разведетесь, и всю жизнь проживете вместе, и раз уж так будет продолжаться вечно, раз уж в этом перманентном конфликте всем нам придется жить — давайте хотя бы сегодня закончим пораньше, потому что завтра опять в школу.

Тебе будет десять, и ты будешь знать, что отцу нужна помощь. Важно, чтобы он знал, что на его месте ты бы поступил точно так же. Ты бы тоже бил. О, да! Любой бы на его месте бил. Эту информацию нужно донести очень быстро — одним взглядом.

Он еще умничка — другой бы вообще убил! Необходимо, чтобы в этот момент разгневанный отец чувствовал себя мужчиной, но не дерьмом. Только это поможет ему остановиться. Если вдруг он почувствует свою вину — забьет мать до смерти. Ты знаешь, что прямо сейчас нужно внушить ему, что он прав. И ты кричишь на мать: «Заткнись! Заткнись, я тебе говорю!». И мать плачет, и смотрит на тебя, и ничего не понимает. Ей кажется, что она права. Ей кажется, что на женщину нельзя поднимать руку. Ей, пьяной, кажется, что она имеет право на все, но перед ней стоишь ты, и тебе десять, и ты кричишь, чтобы она заткнулась, и это способно отрезвить получше любой капельницы. И по ее лицу течет кровь, и град слез, но ты не говоришь ей «мамочка», ты и не думаешь гладить ее по голове, ты и не думаешь обнять ее, хотя она тянет к тебе руки, ты думаешь только, что, возможно, прямо сейчас сам начнешь ее бить. И делаешь это — ты даешь ей первую пощечину, и грудь твоя наполняется страхом, гневом и радостью — ты понимаешь, что это лучшее, что ты мог придумать. «Умница, Саша! Умница!» Ты хвалишь себя за гениальный замысел, и обезумевший отец хватается тебя за руку: «Ты что, с ума сошел? Нельзя! Никогда и ни в коем случае нельзя бить мать!»

И ты опускаешь голову. И ты берешь отца за руку и отводишь его в спальню. И ты извиняешься. И все время шепчешь: «Папочка, папочка, прости! Папочка, прости! Папочка, пожалуйста, не наказывай меня! Папуля, я больше так не буду!».

И ты накрываешь одеялом отца, и ты целуешь его. И только после этого ты возвращаешься в свою комнату и прикладываешь к маминому глазу вымытый в ледяной воде стакан. Она хлюпает носом и плачет. И ее колотит, и ты обнимаешь ее. И она смотрит на тебя испуганными глазами, и ей страшно,

и она понимает, что больше не узнает в тебе сына. Ты больше не тот, кого она кормила грудью и собирала на прогулки. И тебе уже все равно. Сильный своими несчастьями мальчишка, ты целуешь мать в лоб и решаешь, что завтра пойдешь в школу в новых, привезенных из Югославии кроссовках, чтобы все тебе завидовали.

Вот же херня... Мое настроение резко меняется. Я пытаюсь сделать полный вдох. Ничего не выходит. Ноет грудная клетка. Мне сложно сглотнуть слюну — болит пищевод. Я ничего не понимаю. Теперь все это мало напоминает шутку. Короткими рывками я добираю воздух. Я смотрю на правую руку — кисть трясется. Я пытаюсь успокоиться и, сам не понимаю как, продолжаю читать.

ЗАМЫСЕЛ ТРЕТИЙ. ОН

Пойдет в душ. Через несколько минут. Пока же Саша пьет молоко. Несколько капель падает на чистый лист. Надо будет прочесть, думает он.

Саша смотрит в окно. Точь-в-точь персонаж Хоппера. Безразличный, рассеянный, отрешенный взгляд. Саша живет в Москве, аккурат между Киевским и Белорусским вокзалами — Улица 1905 года. Из окна — будто бы нарисованный вышеупомянутым художником — индустриальный вид: депо, паутина рельс, Останкинская телебашня.

Кухня Саши напоминает тысячи других. Холодильник, плита, стол. Слово сценаристы к звезде, приставлены к столу стулья. На столе кипа бумаг. Счета за квартиру, рекламные буклеты.

Саша берет в руки листок. Под плохо пропечатанной государственной символикой размещен призыв в чем-то поучаствовать. Саша рвет и выбрасывает листок в урну.

Саша садится на подоконник. Спinoй к Москве. За его плечами в открытую форточку шумит город с самыми большими в мире чашками «лавацца». Город патрициев и бандитов. Столица самого закомплексованного народа в истории человечества. Центр достатка, неопределенности и уязвимости. Место, где важнее казаться, чем быть. Город выписанных с Филиппин домработниц и официантов с покрашенными ногтями. Притон восьмидесяти тысяч долларовых миллионеров и одного, окольцевавшего их, Садового кольца. «Город, где проще найти Бога, чем нужный тебе переулок» — говорит он.

Саша проходит в ванную комнату. Садится на унитаз. В корзинке с журналами, развалившись на три ровные части, валяются диалоги с рыжим поэтом. Поэт утверждает, что восклицательный знак в английском языке — событие. «Точь-в-точь моя жизнь» — думает Саша. Будто бы заводя будильник, он крутит пальцем в ухе, затем бросает треть книги, смывает воду и подходит к раковине. Саша смотрится в зеркало. Седины все больше. Саша улыбается и шепчет: «Я, я, я. Что за дикое слово! Неужели вон тот — это я? Разве мама любила такого, желто-серого, полуседого и всезнающего, как змея?».

Правой рукой Саша берет станок для бритья. Будто пролистывая сообщения на сенсорном экране телефона, Саша водит пальцем по лезвиям. Их пять — больше пока не делают. Порезаться невозможно — идеальное, гладкое, чистое бритье.

~~Саша отбрасывает в сторону станок и, один за другим, открывает ящики. Шампуни, салфетки, мыло. Ничего острого. Наконец, Саша находит ножницы. Не маникюрные, но настоящие.~~

Приличных размеров, канцелярские, с пластмассовыми ушками. Саша высоко заносит ножницы и со всей силы бьет себя по левой руке. Ножницы разрывают кожу и входят по самую рукоятку. Саша хрипит, как во время оргазма. Будто из фонтана бьет кровь. Саша мычит, словно немой. Этот звук подобен тому, что издаешь во время страшного сна, когда хочется кричать, но пропадает голос, голос, который возвращается к тебе только тогда, когда ты просыпаешься от собственного крика. Неимоверным усилием Саша вырывает из себя ножницы и тотчас наносит себе еще один удар. И еще. Саша ковыряется в своей руке, пока наконец не вырывает из себя вены...

Нет. Не так.

Саша идет в душ, чтобы не опоздать на работу.

Я задыхаюсь, но продолжаю читать...

ЗАМЫСЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. ОНА

Учитель пропла:

— Местоимение есть часть речи, лишенная собственного лексического значения и употребляемая, в том числе, вместо имени существительного.

Староста записала предложение и, подняв голову, намекнула, что готова усердствовать дальше.

«Местоимение есть часть речи, лишенная собственного лексического значения. Все так и есть. Все верно. Он никогда не принимал меня всерьез...»

— Все записали?

— Нет! Повторите, пожалуйста, еще!

«Для него я всегда была не более чем местоимением третьего лица — то есть «она», по всем правилам не принимающая участия в речи».

Лидия появилась в его предпоследнем классе. Шлюшка, подумали в школе. Иначе и быть не могло. Двадцать два года, слишком красивая для того, чтобы быть не замужем. Почти каждый день после уроков ее встречал милиционер. Она не садилась в его машину, и он ехал рядом. Преподавательница литературы и русского языка. Куда только смотрел директор? Старый извращенец, наверняка и он пытался ее заполучить.

Еще в юности она сорвала голос, и теперь, стоило ей только начать диктовать предложение, как, один за другим, возбуждись, мальчишки отпрашивались в туалет. Слишком красивая для учителя. Без помарок. Родители рассматривали ее грудь. Преподавательский состав выносил на обсуждение слишком длинные для педагога ноги. Девочки ненавидели ее, мальчишки мечтали повалить. Уже второго сентября был заключен первый из сотни споров: «К концу года она встанет передо мной на колени и отсосет, спорим? — Спорим!».

Лидия все замечала. Она понимала, что оказалась слишком красивой для обычной русскоязычной школы в Риге. Всякий раз, когда она смотрела на класс — мальчишки водили языком за щекой. Лидия старалась не выделяться, не красилась, одевалась скромнее, но это еще больше раздражало коллег: «Что она хочет нам этим сказать? Того и гляди — к концу первой четверти станет завучем!»

Лидия оказалась не на своем месте. Будто раньше сыгранная и оттого ставшая фальшивой нота в хорале. Будучи настолько красивой, Лидия не имела права оставаться свободной. В ее жизни должен был появиться замок и мерзкое чудовище, кото-

рое этот самый замок охраняет. Коллеги могли смириться с тем, что Лидия находится в заточении, вполне могли смириться с тем, что Лидия принадлежит кому-то другому, но с тем, что она не принадлежит никому, смириться, конечно же, никто не мог.

«О чем она только думает? — возмущалась мать. — Она могла бы быть с самым влиятельным мужчиной этого города. И не только! Она могла бы попробовать, хотя бы попробовать уехать за кордон. Если бы она только не строила из себя не пойми что. Если бы она хотя бы сохраняла подарки, которые подкладывают в почтовый ящик!

Почему она такая жестокая, такая упрямая? Кому нужна ее свобода? Разве она не понимает, что стала такой красивой только потому, что с самого детства я внушала ей ее красоту? Неужели не понимает она, что эта самая физическая красота, возможно, — единственное ее достоинство и преимущество, ибо то, что она знает, что Генрих и Томас Манн — это два разных писателя, вовсе никак не поможет ее благополучию. Неужели не понимает она, что с ее языком в этой стране ей будет все сложнее и сложнее, и, более того, что пройдет каких-нибудь двадцать лет, и от ее красоты не останется и следа. Неужели так сложно влюбиться?»

Не сложно. Лидия была влюблена. С первых дней. Каждый раз, когда она встречала его в коридоре — по телу ее водопадами разливались мурашки. Она любила его без памяти. Глупо. Банально почти. Совсем бездарно. Юного, крепкого, очень веселого. По сути, совсем мальчишку еще, к которому пришла сама, как идея. К нему, который сидел за этой, пустующей теперь, последней партией и писал самые красивые в ее жизни тексты. По ночам она любовалась его ужасным почерком и пыталась помыслить размеры пропасти, что отделяла ее девичьи мечты от реальности.

«Разве о таком парне я мечтала? Он, конечно, красивый, но ведь такой сутулый!»

Единственное, что я могу позволить себе — постоянно говорить ему: «Филипенко, расправь плечи!» И я ведь и говорю, говорю, наверное, даже чаще, чем следует. Если немедленно не остановлюсь — по Риге поползут слухи об училке, которая влюбилась в своего ученика. Господи, Господи, глупо-то как! Неужели и в самом деле я влюбилась в мальчишку, который, пошло сказать, отстаёт по всем предметам, кроме моего?! Говорят, он действительно не может решить элементарную алгебраическую задачу за седьмой класс. Говорят, он не учит латвийский. Он только шутит, шутит и шутит. Каждый день. Как из ведра. В последний раз, когда я попросила прочитать его любимое стихотворение, он замолчал и опустил глаза в книгу. «Филипенко, что ты делаешь?» — спросила я. «Читаю! Вы же сами сказали мне прочитать любимое стихотворение — вот я сижу и читаю!». «Очень остроумно, Саша. Я бы хотела, чтобы ты прочитал его вслух!». И он встал и начал читать: «Я в Париже живу как денди, женщин имею до ста. Мой член, как сюжет в легенде, переходит из уст в уста». Ребята начали гоготать. Класс взорвался. Все смеялись, все, но только не он. Он только улыбнулся, улыбнулся так, будто между нами уже был какой-то секрет, будто это я позволила ему подобную глупость.

«Слишком короткое», — сказала я. «Как твой член, Филипенко!» — выкрикнул кто-то из мальчишек. «Хотите длинное, как мой член? Хорошо...» — и он начал читать: «Вашу мысль, мечтающую на размягченном мозгу, как выжиревший лакей на засаленной кушетке, буду дразнить об окровавленный сердца лоскут: досыта изъиздеваюсь, нахальный и едкий...» И читал, он, конечно, мне. Будто я была той самой Марией, которая пришла

к нему после двенадцати и сообщила, что выходит замуж. Я смотрела на него, прикрыв губы ладонью, и если бы в тот момент в классе оказалась моя мать, то никогда бы больше не спрашивала она меня о любви.

— Все записали?

— Да!

— Идем дальше.

ЗАМЫСЕЛ ПЯТЫЙ. МЫ

Нас человек пятнадцать. Что-то около того. Точно знают только в бухгалтерии. Кто-то все время приходит, кто-то уходит, много молодых парней. В общем-то нас и не принято выделять. Выпуск за выпуском мы погребены в братской могиле титров, но костяк, костяк все же описать возможно — костяк — это мы: Капитан, Туловище, Флюгер, Саша и Беспольный. Отдел спецпроектов. Лучшие сценаристы страны. Наш рабочий день начинается в одиннадцать утра. С понедельника по среду мы читаем газеты, отбираем новости и накидываем шутки. Во второй половине четверга приезжают ведущие. Вместе мы проходимся по темам еще раз. В полдень пятницы, в телецентре, записывается информационно-развлекательная программа, которую вся страна смотрит в прямом эфире в субботу.

Каждое утро, заварив кофе, мы разваливаемся на глубоких диванах и, закулив (кто-то просто сигареты), начинаем работу. Впрочем, это вранье. В понедельник и вторник мы играем в гольф, одну за другой проходя каждую комнату — работать мы начинаем в среду — раньше нет никакого смысла.

— Берем новость про Данию?

— А что там за новость?

— К берегам Дании прибило партию кокаина весом в сто килограммов...

— Новость смешная уже сама по себе — это плохо, но сделайте мне коротышку! — короткую новость требует Нино, наш продюсер.

— Я предлагаю так сказать: «К берегам Дании прибило партию кокаина весом в сто килограммов. Эта партия настолько понравилась датчанам, что уже на следующий день выиграла выборы в местный парламент...»

Вот собственно и все. В этом и заключается наша работа. Нам платят за то, что мы производим шутки. С одиннадцати утра до шести вечера. «Ведущий 1: Папа Римский Бенедикт XVI встретился с Александром Лукашенко. Ведущий 2: Все папы римские на протяжении почти двух тысяч лет стремились к этому, а повезло только Бенедикту XVI... именно он встретился с Богом». Производим, пожалуй, самое правильное слово.

Кто-то может хорошо шутить раз в жизни, кто-то раз в месяц — мы делаем это с завидным постоянством — точь-в-точь депутаты Государственной думы.

За конечный результат отвечает Нино. Это она всегда говорит: «Сделайте мне то-то!». При этом совсем не важно, что это будет: реприза или кофе. Маленькая грузинская женщина, когда-то она и сама приносила кофе генеральному директору, но за десять лет отменного виляния хвостом достигла многого. Флюгер любит шутить, что вероятно, однажды, Нино спасла шефу жизнь — других логических объяснений, почему старушка занимает свое место, — нет.

Нино обожает интриги. Сталкивать людей ее особый дар. Однажды Нино решила, что ведущие отбились от рук и с ними

совершенно невозможно работать. Чтобы припугнуть их, нам, сценаристам, был дан приказ: «В атмосфере глубочайшей секретности собрать на кастинг других медийных ребят». При этом настоящие ведущие ни в коем случае не должны были узнать об этом кастинге. Для нас это оказалось довольно мучительным заданием, потому что в отличие от Нино у нас с ребятами было полное взаимопонимание. И все же мы набрали новых парней. Ими оказались: Слепаков, Воля, Давид и еще пара ребят из этой сферы. Они даже не знали, зачем их зовут. Собрав претендентов в кружок, Нино сняла завесу тайны. Парни, надо сказать, охренели. Но сесть за общий стол и поразгонять новости отказываться не стали. Все это даже было снято на камеру, чтобы показать шефу. При этом Семен сказал, что как друг Гарика не сможет держать в секрете произошедшее. Нино ответила: «Конечно, расскажи ему, если хочешь». Через два часа по дороге домой, в машине, я слушал по «Серебряному дождю», как Миша Козырев, ведя репортаж с какой-то премии, интервьюировал одного из ведущих: «Вы знаете, что сегодня состоялся кастинг новых ведущих в “Прожекторпэрисхилтон”? Чем не устроили старые ведущие?».

Через неделю по инициативе Вани в Останкино произошла встреча ведущих, авторов и Нино. Ведущие несли какую-то чушь про то, что они в постоянном напряжении за столом и, в условиях необходимости постоянно импровизировать, их выбивают из колеи постоянные стоны Нино. Нино в ответ неслла не меньшую херню про то, что ее достали истории с Гариком, который только с пятого раза делает то, что она просит. Ни слова по теме. Мы молчали. И вот, в конце встречи, кто-то из ведущих наконец произнес: «И вообще, вся эта ситуация с кастингом нас жутко оскорбила. Теперь мы не знаем, как со-

трудничать с авторами, которые за нашей спиной организовали это предательство». На этом месте мы все охренели. Но еще больше мы охренели через мгновенье, когда Нино с улыбкой ответила: «А! Ну, это ваши мужские дела. Думаю, как-нибудь разберетесь».

Все шутки, которые попадают в эфир, утверждает только она. Фокус-группы — изобретения для слабаков. Есть Нино, и только она решает, что смешно, а что нет.

Шутку про Данию сочинил Флюгер. Флюгер очень сильный автор, но за ним необходимо следить — он любит втюхивать одну и ту же репризу по несколько раз. Нет, конечно, мы все этим грешим, но Флюгер делает это исключительно нагло. Именно он умудрился продать одну и ту же шутку четырем разным командам клуба веселых и находчивых. В 1986 году она звучала так: «Я вчера видел, как парижанин кормил с руки белку. — Но как ты определил, что это был парижанин? — Я что, по-твоему, не могу отличить парижанина от белки?». Не самая сильная шутка, однако команды ее очень любили. Спустя четыре года шутка звучала так: «Я вчера видел, как австриец кормил с руки лося». Ну и так далее. У Флюгера есть еще одно сомнительное достижение. Оно, кстати, тоже связано с клубом веселых и находчивых. В начале двухтысячных годов, в финале, он писал сразу двум командам. Судьи поднимали таблички, команды волновались, а Флюгер был единственным человеком, который еще до начала игры знал, что в любом случае победит.

— В правительстве поставили вопрос об эффективности Гидрометцентра...

— Как? Неужели кто-то заметил, что они постоянно ошибаются?

— В какую сторону будем крутить?

— Может, попробуем дать им советы? Как сделать прогнозы более точными?

— Да, давайте... Что мы можем посоветовать синоптикам?

— Пусть «Евроьюс» включают и смотрят: что им еще нужно?

— Пускай оттащат свой главный градусник от батареи — там же горячо!

— Да! Точно! И пускай они его хотя бы на улицу вынесут!

— Нужно, чтобы они нашли подмышку земли...

— Да, и вставили его туда.

— Или лучше пусть в задницу Земли. В Америке же так делают?

— В задницу земли — это хорошая идея! Тем более что все мы знаем, где она находится, правда, Капитан?

— Ребята, Челябинск попрошу не трогать! А совет дам: нужно смотреть на белочек. Если белочка свое дерьмо обратно в дупло загребаёт — значит, зима будет холодной.

Мы не расписываем всю программу. Нет. Мы слышали, как один из гостей наших посиделок утверждал, будто у ведущих написано каждое слово, будто они вовсе не импровизируют, но это не так. Наше дело — возвести фундамент. Построить маяки. Семь-восемь страниц добротных шуток и бугагаш. Нам нужно создать задел — остальное сделают парни, которые шутят не хуже нас. Шутку важно не только написать, но и правильно продать. Зрители никогда не полюбят ни Флюгера, ни Капитана, зрители всегда будут любить парней за столом.

— Чемпионат России по футболу перейдет на систему осень — весна...

— То есть теперь мы будем играть зимой?

— Да...

— Кто берет эту новость?

— Давайте мы втроем.

— Подумайте, быть может, пошутить про плюсы и минусы этой затеи?

— А чего тут думать? Минус один — минус сорок!

Иногда ведущие считают нужным намекнуть, что написанные нами репризы могли бы быть покрепче. В такие моменты мы напоминаем им о кладбище замыслов, о тысяче шуток, что погибли во время монтажа из-за того, что один из них все перепутал, не вовремя вставил реплику, переставил слова местами или неверно закончил фразу интонационно. В общем, наша мануфактура работает довольно слаженно. Во всяком случае, зрители и телеакадемики (в числе которых с недавнего времени состоят Капитан и Флюгер) нас любят. Наша полка уже заставлена этими странными Орфеями без яиц.

— Еще одну коротышку можем сделать! В добивку к спорту. Закончился чемпионат мира по тяжелой атлетике.

— И?

— Что и? Неужели ты не понимаешь?! Трагедией! Трагедией закончился чемпионат мира по тяжелой атлетике в закрытых и плохо проветриваемых помещениях...

— Баян!

— Какой баян?! Я только что эту шутку придумал!

— Масики, — вмешивается Нино, — программы, скорее всего, не будет. Только что прошло срочное сообщение в новостях — кораблекрушение, куча жертв.

— Будет национальный траур?

— Скорее всего, да.

— Берем эту тему?

— Давайте! Утопленники — это всегда смешно! Ваня сможет песню в конце спеть: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал... мне — тебя — уже не опознать...»

— Флюгер!

— А что Флюгер? Смешно же...

ЗАМЫСЕЛ ШЕСТОЙ. ВЫ

Теперь, когда вы знаете, что Саша работает сценаристом на телевидении, когда знаете, что он родился в Риге и однажды уехал из родного города, когда догадываетесь, что он красив, сутул, обладает хорошим чувством юмора и довольно сложным характером, впрочем, не знаю, что по-вашему характер простой... Так или иначе, теперь, когда вы немного осведомлены, возможно, вам будет интересно узнать, что у Александра есть бывшая жена и дочь. С другой стороны, быть может, вас это не заинтересует, ведь если о Саше известно хоть что-нибудь, то с вами — одни вопросы. Вы — чистый лист. Кто вы? Как вас зовут? Довольны ли вы своим именем и судьбой?

Сейчас с уверенностью можно говорить только о том, что вы — читатель. В остальном... Мужчина вы или женщина? Что-то среднее? Юноша вы или нет? Вам двадцать или семьдесят пять? Красивые ли у вас глаза? Что вообще по-вашему — красивые глаза?

Хотели бы вы что-нибудь изменить в себе? Губы? Нос? Привычку хамить? Чем вы занимаетесь? Какие у вас планы на среду? Давно ли в вашей жизни была среда? Какое у вас хобби? Коллекционирование? Поэзия? Как эта книга попала

к вам в руки? Вы редактор в издательстве или студентка, которая читает эти строки, склонившись над книгой в магазине? Она в твердом переплете? Какой у вас план на сегодняшний вечер? Быть может, встретимся? Хотели бы трахнуть с автором? Напишите ему — он будет не прочь. Вечер у вас вообще или ночь?

Вы загадка. Верно. Могущественная загадка! Вы многое можете себе позволить. Вам дано дочитать этот роман до конца или, напротив, отбросить его прямо сейчас. Вы можете порекомендовать его друзьям или, наконец, решившись завести друзей, посоветовать им ни в коем случае не делать этого. Вы можете читать эту главу или, если вам категорически не нравится, когда книга разговаривает с вами, сразу перейти к следующей. В отличие от Александра, который ничего не знает о вас, прямо сейчас, немедленно, вы можете заглянуть в конец романа и узнать, чем закончилась эта история и закончилась ли она вообще, ибо какой смысл заканчивать то, что называется замыслами?

Вы можете узнать о странных поступках Саши и вырвать из его жизни страницы, которые сам он, как ни старался, вырвать не смог. Вам ничего не стоит полюбить или возненавидеть его. Осудить или понять. Постараться быть похожим на него или уснуть. Прямо сейчас, если вы, конечно, находитесь в Москве — вы можете отложить книгу и отправиться на Большую Никитскую, в здание ТАСС, где на втором этаже находятся пять комнат. Быть может, усатый полицейский, который уже много лет сидит на первом этаже, пропустит вас без выписанного в Отделе пропусков документа, и, поднявшись по мраморной лестнице, у которой частенько выставляют гробы и провожают в последний путь работников ТАССа, вы на мгновение остановитесь перед офисом № 105. До-

бро пожаловать! Именно здесь, а не в телецентре, как вы могли подумать, квартирует отдел спецпроектов самого большого телеканала страны. Вы откроете дверь и, пройдя холл, окажетесь в помещении, в котором пять дней в неделю сочиняют шутки, а в ночь с пятницы на субботу играют в покер. Если за столом будет не больше семи человек — вас пригласят к игре, особенно если вы знаете правила, но не очень хорошо играете. Не пугайтесь — здесь все очень веселые и приятные. Настоящий джентльменский клуб. Вход — тысяча. Докупаться можно сколько угодно. Не отказывайте себе в удовольствии. Поверьте, если вы и проиграете, а больше двадцати тысяч вы проиграете вряд ли, — это будет самый веселый покер в вашей жизни. Даже Саша, которого с трудом можно назвать веселым парнем, будет шутить. В середине ночи привезут наркотики. Девочки будут танцевать на столах. Будет радостно, правда! Впрочем, вас, по-моему, заинтересовало то, что у Александра есть жена и дочь.

ЗАМЫСЕЛ СЕДЬМОЙ. ОНИ

Елена сидела возле детской кровати.

— Я подам заявление, — сказал Саша.

— Хорошо, — прошептала жена.

Саша посмотрел на нее. Теперь он видел не женщину, которая когда-то была симпатична ему, но актрису, акционистку в музее современного искусства. «Что она себе воображает? Ей сейчас, наверное, очень нравится страдать... Не хватает только виолончельного концерта Эльгара».

Сонная, бледная, ничего она не хотела. Саша видел женщину, которая держалась так, словно впервые оказалась в этой ком-

нате. Будто во время ливня она, незнакомка, попросилась в чужой дом переждать непогоду. Эмигрантка, беженка, Лена сидела в детской и гладила спящую дочь.

— Ты можешь не переживать — квартиру я оставлю вам...

Елена вновь ничего не ответила. Едва заметно она продолжала покачиваться на стуле и смотреть на дочь. Саша мучился. Он чувствовал вину, и вина эта разъедала его. Сашу раздражало молчание. «Она же сейчас все это специально делает. Неужели так сложно сказать хотя бы одно слово?! Она же понимает, что я не специально все это сделал! Она же знает, что в этом вообще нет моей вины. Но нет — ей нравится, нравится сейчас сидеть тут передо мной и строить из себя страдальцу... Она специально, специально молчит, молчит только, чтобы разозлить меня...»

— Так и будешь молчать?! Что — нечего сказать?

— Саш...

— Конечно, ты же у нас святоша! Ты же всегда все делаешь правильно, ты же у нас из прекрасной семьи! У тебя же мама — педагог года! Вы же все как на подбор! Это у меня родители алкаши, и я вот ублюдком стал. Зачем со мной, дерьмом, разговаривать? Я ведь не достоин такой прекрасной женщины, как ты! Ты же у нас само совершенство, сама забота!

— Саш...

— Все такие правильные, такие интеллигентные. Ты же всегда все понимаешь! Никогда не делаешь глупостей! О тебе же можно писать целую главу в школьном учебнике по этике! Конечно, куда уж мне до тебя, до твоей мамы! Со мной и разговаривать — не нужно! А правильно — зачем со мной разговаривать? Это же ниже твоего достоинства!

— Саша, пожалуйста, успокойся. Ты же видишь, что она спит. Ты ее разбудишь!

Саша не видел. Совсем. В этот момент он думал только о себе. Саша не понимал, что Лена вовсе не винит его. Все, что она испытывала в тот момент, — страх. Глядя на девочку, Елена думала только о последствиях: «Повредит ли это ее здоровью? Существует ли генетическая память? Не станет ли девочка наркоманкой?».

Елена пыталась представить, что почувствовала дочь, как сделала глоток. Понравился ли ей бутират? Чувствовала ли она прилив радости и счастья, перед тем как упала на ковер? Запомнила ли она этот момент? Елена думала, что никогда не сможет простить себе этого, и клялась больше никогда, никогда даже на минуту не оставлять дочь одну.

Концерт Эльгара здесь действительно не помешал бы. Будто черные тучи над морем, сгущалась тревога. Елена не могла поверить, что в такой момент Саша думает только о себе. Подняв глаза, она посмотрела сперва на мужа, затем на пеленальный столик. Пластиковая бутылка по-прежнему стояла на месте. В суматохе вечера ее забыли убрать. Саша заметил это.

«Как странно, — подумал он, — столько всего произошло, а бутылка все еще стоит на своем месте. Хорошо, значит, разводимся»...

Много лет назад, еще в школе, Саша решил, что если однажды он произнесет слово «развод», произнесет сгоряча или по глупости — не важно, то заднего хода не даст. Саше хотелось восстановить силу, страх и вес брошенного слова. Ему хотелось, чтобы тысячи раз озвученный родителями замысел хотя бы раз довели до конца.

Слова ничего не стоят, думал он. Говорить можно все что угодно. Слова произносят только для того, чтобы добиться отдельно взятого результата. У обещаний, в большинстве случаев,

не бывает цены. Буквы нужны только для того, чтобы протолкнуть, продавить, проташить идею. За неверно брошенное слово всегда можно извиниться — им же — словом. Себестоимость вранья равна, всего-навсего, количеству слов, которое придется потратить на извинения. Если бы кто-нибудь взялся записать формулу человеческого словоблудия — она бы выглядела примерно так: «Я говорю тебе «давай разведемся» не потому, что хочу развестись, но потому, что хочу, чтобы ты оценила, сколько во мне благородства».

Взяв бутылку, Саша вернулся в спальню. Сделав глоток, он закрутил крышку и запихнул бутылку во внутренний карман пиджака. Ему хотелось поскорее забыть вчерашнее происшествие и особенно жуткий крик жены. Елена орала так, будто случилось самое страшное, будто она видела, как ее дочь выпала из окна, будто не было никаких сомнений, что произошло нечто ужасное, неотвратимое. Когда Саша прибежал на крик — бездыханная дочь лежала посреди гостиной. Голос Елены сигнализировал о наступившей беде. Здесь было децибел сто — не меньше. Саша сразу понял, в чем дело. Елена продолжала кричать, и муж судорожно пытался вспомнить, как вызывают «скорую»:

— Какой номер? Номер какой? Не ори! Скажи мне, какой теперь номер?!

Через сорок минут, когда Лена вышла в другую комнату, врач спросил:

— Что она выпила? — Саша понял, что можно быть откровенным.

— Бутират.

— Сколько?

— Судя по бутылке, не больше глотка.

— Что ж вы бутылку так оставляете?

— Я же не специально это сделал...

— Кто вас знает...

Врач колдовал над девочкой. Саша смотрел на дочь и размышлял над тем, как рождаются замыслы. «Почему она это сделала? Почему она потянулась к бутылке, если раньше никогда ничего не пробовала без разрешения? Как эта идея пришла ей в голову? Как приходят идеи? Мы выдумываем их, или, словно вирус, они переходят от человека к человеку? Не прижились здесь — приживутся там. Какой он — образцово-показательный смысловой иммунитет? Кто способен проследить путь идеи? Где пункт «А», из которого они отправляются? Как и кем определяется, кто станет пунктом «Б»? Бах сочинял свои прелюдии или эпоха барокко сочиняла за него? Кто писал за Шостаковича и Равеля? Заводские станки? Как человек становится автором оригинальной идеи, если известно, что порой одни и те же замыслы посещают незнакомых людей в разных концах земного шара? Поэтическое эхо? Невидимая нить? Зачем она потянулась к этой чертовой бутылке? Кто может ответить на этот вопрос, если даже Господь создал небо и землю без всяких замыслов на этот счет?! Ни в день первый, ни в день второй. Почему, лишь увидев свет, он понял, что свет хорош, и отделил его от тьмы? Где были его идеи? Почему он только говорил и называл? Стоит ли считать его «видел» синонимом «думал»? И если думал, то о чем? Как нам смириться с тем, что солнце он выдумал уже после того, как на земле были день и ночь?! И к чему такое расточительство? Почему дни продолжались, а он все говорил, благословлял, но ничего не задумывал? Чем он жил-то в те дни? В те самые дни, когда у него, похоже, действительно появлялся первый замысел

(когда четыре реки были сотворены, Бог сказал человеку, что нельзя есть плод, ибо в день, когда вкусишь его — погибнешь), выходит, кое-какие идеи у парня все же водились?! Но ему ли они принадлежали? Любой открывший Библию без труда прочтет, что в первые дни Господь лишь наводил, создавал и нарекал, но ни хрена не думал...

Врач уверил, что с девочкой все будет хорошо. «Если что, — спокойно сказал мужчина, — звоните. У меня всегда есть».

ЗАМЫСЕЛ ВОСЬМОЙ. БЕЗЛИЧНЫЙ

Сперва поливало. До середины месяца. Гремело и грохотало, било и освещало повсюду. Затем чередовались дни. Было то холодно, то тепло. После замерло. Стало жарко. Сделалось душно. Как горячим молоком. Стало жарче даже, чем на юге, чем в Астрахани или Ростове-на-Дону. Стало жарче даже, чем в Каире.

Открывались окна. Обливались потом. Кругами размазывались лопасти вентиляторов. Кондиционеры продавались во все стороны. На раз-два. Очереди заканчивались за поворотом. Сообщалось, что по своему размаху, охвату и последствиям ничего подобного не случалось за более чем сто лет. Вот те на.

Продолжались наблюдения. Не холодало. Аномально. В среднем каждый день было двадцать шесть и один. Но ощущалось гораздо больше.

В июле продолжилось. Рубашки хотелось менять по несколько раз на дню. Прохладу не приносило. Дожди были локальными и кратковременными, как упражнения, как свиданья, как этюды. Осадки выпадали всего на пятую от нормы. Постоянно хотелось

в душ. В стаканах в мгновение нагревались напитки. В бассейнах случались драки. Начинались лесные и торфяные пожары. В день рождения Лидии москвичи впервые почувствовали запах гари. Через неделю город окутал настоящий смог. Салфетки становились черными. В горле першило. Усталость становилась по-настоящему великой. Дышалось тяжело. Краснели лица. Ветер продолжал гнать знойный воздух из Азии. Тридцать три дня подряд максимальная температура воздуха превышала тридцать градусов. Учащалось сердцебиение. Шумело в ушах. Люди задыхались во сне. Возрастала смертность.

Лишь 10 августа направление ветра сменилось, и температура начала постепенно снижаться — начался медленный распад мощного антициклона. Экологическая ситуация в столице постепенно улучшалась. Так, уже 16 и 17 августа прошли небольшие дожди и температура не достигала и $+30^{\circ}\text{C}$. Последний, десятый в августе и двадцать второй за лето, рекорд был установлен в среду, 18 августа, в 13.00: $+32,5^{\circ}\text{C}$.

Господство огромного жаркого антициклона, два месяца стоявшего над Европейской Россией, подошло к концу. На следующий день в центральные области России пришел атмосферный фронт, благодаря чему похолодало до $+25^{\circ}\text{C}$. В Москве и на большей части области исчезло задымление. Погода стала более характерной для конца лета. В последующие дни смог и запах гари больше не беспокоили горожан. Начались частые дожди. Появились признаки осени.

Я откладываю телефон. Осторожно. Мне кажется, что, если сделаю хотя бы одно резкое движение — мир расколется на миллиарды символов. Удар. Я чувствую первые симптомы. Учащается пульс. Ледяными становятся руки.

Несколько раз я бью по скамейке. Расцарапываю ко-
стяшки. Проступает кровь. Мне сложно встать. Женщина,
которая все это время сидела рядом, вскакивает и осужда-
юще смотрит на меня. Это немного отрезвляет. Я начинаю
приходить в себя. Тревога. Последний раз я испытывал не-
что подобное много лет назад, еще в школе. Я закрываю гла-
за и пытаюсь успокоиться. Я всегда знал, что, если окажусь
на месте булгаковского поэта, то ни в коем случае не буду
трубить о странностях, которые происходят со мной. Я на-
чинаю с начала.

«Итак, что мы имеем: кто-то пишет книгу. Этот кто-то
выкладывает части романа обо мне в блог. Блог ведется
от моего имени. Пока я был в отпуске — ссылку на отрыв-
ки получили мои друзья и коллеги. Судя по всему, получи-
ла и Нино. Именно этим стоит объяснить мое увольнение.
Какой-то ублюдок подставляет меня.

Ладно, хорошо. Главное — успокоиться. Пошли дальше.
Значит так: кто-то пишет роман про меня. Роман, в котором
описаны события, о которых мог знать только я. Факт.

Ноги, по-прежнему, вибрируют. Я пытаюсь встать. Меня
ведет. Привет от вестибулярного аппарата. Я вновь сажусь,
делаю глубокий вдох и кладу руку на скамейку — тело на-
ходит вертикаль. «Наркоман!» — слышится за спиной. Что
правда — то правда. С одной лишь оговоркой — все это дей-
ствует похлеще наркоты.

Я беру в руки телефон, нажимаю на «компас». Передо
мной вновь открывается блог. Я продолжаю читать.

ЗАМЫСЕЛ ДЕВЯТЫЙ. ВНОВЬ Я

Сидел за столом. Разглядывал огромную гостиную. В клетке разгуливала львица. Я достал телефон и, включив навигатор, проверил расстояние до Москвы. В тридцати четырех километрах от центра столицы, на первом этаже загородного дома, в специально выстроенной позолоченной клетке, расхаживала львица.

За четверть часа, которые я просидел в ожидании встречи, хищник ни разу не остановился. Львица не рычала, не бросалась на клетку. Зверь просто ходил из стороны в сторону и не спускал с меня глаз. Рассматривая львицу, я пытался представить себе человека, который живет в этом доме.

— Простите, что заставила ждать.

— Ничего, тут у вас...

— Ах да — это подарок. Думаю, вы понимаете, как сложно в наше время удивить влиятельного человека. Уверена, вы и сами не раз сталкивались с подобной проблемой.

— Я по-прежнему дарю книги.

— Вероятно, вашим друзьям гораздо проще угодить.

— Да, особенно когда их нет.

— Так или иначе, я хотела бы перейти к делу. Вы не прислали мне свое резюме.

— У меня его нет.

— Могли бы вы, в таком случае, немного рассказать о себе?

— Если вы не знаете, кто я — зачем позвали?

— Я знаю. У вас блестящие рекомендации, но все же...

— В три года меня отдали в детский сад. Там я впервые познал на себе удары широкой ладонью и попробовал рыбные котлеты. После детского сада была школа. Школа дала мне навыки челночного бега и чтения по ролям...

— Мне важно понимать, какие проекты вы делали.

— На телевидении?

— Нет, про телевидение я все знаю, спасибо. Мне очень нравится ваша программа.

— Ежегодные премии журналов, музыкальные фестивали, дни рождения президентов, свадьбы детей губернаторов, похороны мэров...

— Ясно. Сколько стоит ваш сценарий?

— Четыреста тысяч.

— Четыреста тысяч за текст ведущего?! Вы серьезно?! Почему не пятьсот?! Почему не миллион?!

— Скидка.

— С вами непросто. Но давайте перейдем к делу. Итак, Елизавете десять лет. Вот, кстати, список исполнителей — она протянула мне лист, на котором я тотчас увидел имена самых дорогих (известных и заслуженных) музыкантов страны.

— Неплохо для детского праздника...

— Десять лет — довольно серьезный срок для львицы.

— Вы хотите устроить день рождения животному?

— Не я, как вы понимаете, мой шеф.

Я тотчас стал перебирать в памяти самые странные мероприятия, которые мне когда-либо приходилось организовывать. Ни один серьезный сценарист не живет на свою официальную зарплату. Более того, эта зарплата ему не нужна. Ее проигрывают в покер или вовсе не снимают со счета. В этой зарплате важен лишь адрес бухгалтерии. Значимо только то, где лежит ваша трудовая, и только потому, что она лежит там, где лежит, вы можете просить четыреста тысяч за сценарий.

Девушка что-то там бубнила о договоренности с артистами, а я все еще пытался вспомнить самые нелепые праздники, кото-

рые когда-либо писал. Я вспоминал одного парня, который снял ледовый дворец и, нагнав туда полторы тысячи проституток, приказал закрыть все входы и выходы, никого не впускать и дать ему спокойно потрахаться. Он ходил между голыми бабами, лапал их и кого-то, по-моему, даже поимел. Если я не ошибаюсь, только одну. Мы тогда еще шутили, что это любовь. Я вспомнил про ребят, которые собрали на Лазурном Берегу целый музыкальный фестиваль, но не пустили на него ни одного человека и не посетили его сами, решив наблюдать за всем происходящим через подзорную трубу с палубы своей яхты. Я вспоминал десятки концертов, на которых заказчики требовали, чтобы артист, по кругу, исполнял одну и ту же песню, но чтобы при этом подводки ведущего были разными. Я вспоминал приватные концерты в саунах и кабинетах, на крышах небоскребов и авианесущих крейсерах, вспоминал дни рождения годовалых детей, для которых пели народные артисты, и День города, во время которого по улицам столицы расхаживал десятиметровый Петрушка, для которого я сочинял частушки. Одним словом, я мог вспомнить довольно много странностей, но львиц среди них не было.

— Александр, вы меня слушаете?

— Да-да.

— Я хотела посоветоваться с вами: как вы считаете, все ли исполнители согласятся выступать перед Елизаветой?

— А какая им разница? Поверьте, они и не перед такими животными выступали.

— Хорошо, я просто волновалась.

— Возможно, кто-то попросит прибавку. Я правильно понимаю: Елизавета будет в зале одна?

— Да, да, совершенно одна! И здесь я хотела бы обсудить с вами еще один момент. Дело в том, что у львиц довольно тон-

кий слух — Елизавета ненавидит громкую музыку! Сможем ли мы как-то убедить артистов играть потише?

— Конечно! Они же артисты! Какая им разница? Они могут вообще не петь!

— Отлично.

— Вы хотите, чтобы ведущий говорил шепотом?

— Нет-нет, что вы! Ведущий может говорить, как ему удобно. У вас, кстати, есть кандидатуры? Мы еще не решили, кого пригласить.

— Вам решать. Мне все равно, для кого писать. Конечно, всегда лучше, когда ведущих двое. Мужчина и женщина. Так проще расписывать сценарий. Все, что мне нужно, — максимум информации от вас. Где родилась Елизавета, как попала в Россию. Понимаете? Чем больше я буду знать про нее, тем смешнее получатся подводки.

— Да-да, конечно! Это я сделаю. Я пришлю вам все, что у нас есть. Какие-нибудь интересные истории вас ведь тоже интересуют?

— Например?

— Раз в неделю, когда здесь никого нет, мы выпускаем ее побегать по дому. И вот однажды она набросилась на человека, который приехал подключать интернет.

— Он жив?

— Да, не беспокойтесь! Молодой человек отделался несколькими царапинами.

— Скажите, будут ли еще какие-нибудь подарки, кроме выступлений?

— Вы имеете в виду лакомства?

— Да.

— Конечно! Будут антилопы и...

— И?

— Будет жираф.

— Живой?

— Да, мы хотим, чтобы у Елизаветы была возможность поохотиться. Мы всегда делаем ей такой подарок на день рождения. У вас есть еще какие-нибудь вопросы ко мне?

— Нет. Хотя да. Где вы найдете живого жирафа?

— Во многих зоопарках есть проблемы с жирафами. Их просто некуда девать. Они все равно их убивают. Так что достать жирафа в наше время задача довольно простая.

— А таможня?

— Александр, мне нравится, что в свои годы вы столь наивны. Год назад для одного мероприятия нам понадобились три тигровые акулы. На таможне их оформили как аквариумных рыбок. Вы же знаете — величие этой страны заключается в том, что здесь всегда можно договориться. Значит, договорились?

— Да.

ЗАМЫСЕЛ ДЕСЯТЫЙ. ТЫ

Влюбляешься в ученика. Твоя первая и последняя любовь. Ничего прежде, никогда больше.

Три месяца ты ищешь предлог, а потом просто, глупо, в лоб, просишь его остаться. Расходящийся класс улюлюкает, ты краснеешь. «Чтобы все сделали домашнее задание!» — зачем-то говоришь ты. Ребята улыбаются и уходят. Они совсем еще юные, но, конечно, все понимают. Наконец, в классе остаешься только ты и твой избранник. И ты назначаешь ему свидание. Сразу, без прелюдий — была не была. И твое сердце дико бьется, потому

что ты не знаешь, что сейчас произойдет. Каким будет ответ? Будет ли? Что ты услышишь? Наверняка к концу перемены о твоей любви будет знать вся школа, и весь район, и вся Рига. Ты чешешь мизинцем ладонь. «Ну?» — спрашиваешь ты. Ты ждешь ответа всего мгновенье, но тебе кажется, что перемена вот-вот закончится, и закончится четверть, и учебный год. Ты облизываешь губы. Глупо-то как, и пошло, думаешь ты. И вдруг звучит ответ. И тебе говорят, что любят, что тоже любят. Тебе говорят, что просто стеснялись признаться в этом. Ты слишком красивая. И потом этот молодой милиционер, который приезжает каждый день — тебе говорят, что думали, что ты принадлежишь ему, что к тебе не подступиться. Твоя красота наводит страх. Все считают, что ты недоступна, что каждый вечер в твой почтовый ящик бросают бриллиантовые кольца и золотые цепочки, и что у тебя есть куча поклонников, и не только этот мусор, и говорят, в тебя, говорят, влюблен директор и даже министр.

И вы целуетесь прямо в классе.

И ты придумываешь секретное место. Уголок Риги. И в этом переулке живет твоя любовь. И на этой старинной улице проходят лучшие мгновенья твоей жизни. И по ночам ты прижимаешься к холодной стене и позволяешь целовать свои веки, и свои руки, и свою шею. Здесь ты впервые разрешаешь дотронуться до своей груди и позволяешь родной руке гладить тебя везде. И ты влюблена. В этом нет никаких сомнений. Ты сидишь в костеле и клянешься облупившемуся Иисусу, что будешь верна всегда. Что рука, которая сейчас крепко сжимает твою руку, единственная в твоей жизни рука, и что больше никто не коснется тебя. И ты счастлива.

И, проверяя домашние работы, ты пропускаешь много ошибок. Ты все думаешь о нем, и староста часто поправляет тебя.

И ты уезжаешь от мамы. И снимаешь квартиру. И разрешаешь оставаться у тебя. Несколько дней. И разрешаешь приказывать тебе, и делаешь все, о чем тебя просят. И тебе приятно, даже когда ты понимаешь, что то, что ты делаешь, подсмотрено в каких-то ужасных, пошлых и вульгарных фильмах, которые достают на кассетах в порту. И тебе кажется, что ты влюблена уже целую вечность. Ты уверена, что время остановилось. И тебе все равно, что шепчутся соседи. Потому что у них время все еще идет, а у тебя уже нет. У тебя все сложилось. Все понятно и решено. И ты мечтаешь о ребенке. И все твои мысли только о том, что вот, осенью, он пойдет в последний класс, а через год поступит в институт, и переедет к тебе, и все станет более или менее легально. И все будет прекрасно, и у вас будут дети. И всю жизнь ты будешь счастлива. И ты будешь ждать их с прогулки, и ты будешь готовить обед, специально для него и специально для него. И ты представляешь, как будешь ворчать, что опять не вымыты руки. И представляешь, какого цвета у тебя будет фартук, и понимаешь, что совсем не важно, какой при этом будет кухня. И ты представляешь, какой он будет красивый и как он будет сопеть в твою подмышку. И ты представляешь себе маленькую ручку, которую держишь в своей руке. И ты уверена, что так обязательно будет. И ты уверена в этом даже в тот вечер, когда возлюбленный вдруг перестает подходить к телефону. И когда буквально исчезает. И перестает ходить в школу. И не появляется до конца учебного года. Ты не перестаешь верить в это, когда встречаешь его, одиноко сидящего на пляже, и понимаешь, что он отчего-то не хочет с тобой разговаривать. Ты не перестаешь верить в это, когда весь следующий, его последний учебный год он не разговаривает с тобой. Ты веришь в это даже в тот момент, когда в августе он вдруг звонит тебе и зачем-то сообщает, что

переезжает жить в Москву. Когда? Через три дня. Зачем? Писать для разных команд клуба веселых и находчивых. Клуба веселых и находчивых... клуба веселых и находчивых...

И ты ничего не понимаешь. Разве это нельзя делать здесь? Там совсем другой уровень, объясняют тебе, разве не понимаешь? Нет, ты не понимаешь. Ты не понимаешь, но убеждаешь себя, что так будет лучше. Все, что ни происходит — всегда к лучшему, ведь так? Значит, так оно и должно быть. Значит, он звонит, потому что любит тебя, да? Значит, вы опять вместе? Может, и вместе, отвечают тебе. И ты ничего не понимаешь, ровным счетом ничего не понимаешь, но прокручиваешь в голове увольнение и переезд в Москву, тебя ведь там ждут? Да, тебя, может, и ждут, посмотрим. Ты, во всяком случае, можешь не торопиться — тебя будут ждать ровно столько, сколько будет необходимо. Это правда, спрашиваешь ты? Конечно, правда.

И первый год, кажется, тебя действительно ждут. Во всяком случае, тебе отвечают на письма и на звонки. Уже из другой, новой страны. И ты убеждаешь себя, что такая жизнь вполне себе сносна. Многие люди лишены возможности видеть своих близких, многих разделила тюрьма, смерть, а вы — вы однажды встретитесь, и потому ты должна быть благодарной. И ты благодарна. И ты благодарна каждому звонку, на который он отвечает. Ты благодарна, хотя замечаешь, что он отвечает все реже. Ты замечаешь, что появляются расколы, трещины, пропасти размером в несколько дней. И ты признаешься, что тебе очень больно и тяжело от этого, и на тебя сердятся: ты что, не понимаешь, что там совсем другой ритм? Нет, ты не понимаешь — ты же никогда там не жила. Ты же все еще здесь, в Риге, а здесь, в Риге, можно успеть сделать все дела к полудню. А даже если допустить, что

там действительно другой ритм, всегда же можно найти минутку, чтобы позвонить, искренне полагаешь ты, разве нет?

А какие там девушки? — однажды спрашиваешь ты. А много красивых? А тебе кто-нибудь нравится? И тебе отвечают, что, конечно, нет. Что про других девушек ничего не знают, потому что все время думают только о работе, и даже иногда о тебе. О тебе. Так много думают о тебе, что в течение двух недель не находят возможности ответить на телефонный звонок. Ни разу. И ты понимаешь, что нужно действовать, что нужно переезжать, и ты сообщаешь, что готова, и тебе отвечают, что это фантастическая новость, что это лучшее, что ты могла произнести, и что этого момента очень ждали, и что все, наконец, будет прекрасно, и что тебя, конечно, очень ждут, только не на этой неделе, потому что на этой неделе фатально много дел. На следующей? Нет, и не на следующей — там важные игры. Тогда через две? Через две все поймем, да.

И так проходят две недели. И еще две. И четверть, и еще одна. И проходит год, и еще один, и ты веришь, что все у вас будет хорошо. Ты веришь, что все будет хорошо, но очень волнуешься. Врач говорит, что, во-первых, стоит восстановить более-менее регулярную половую жизнь. Не хотите изменять? А когда вы последний раз видели вашего любимого? Во-вторых, уверен врач, вы так располнели исключительно из-за собственных переживаний. Это психосоматическое, говорит лучший в Риге врач. Мужчина говорит, что нужно держать себя в руках, что нужно взяться за голову, потому что просто так поправиться на тридцать килограммов — это, конечно, уже слишком, это никуда не годится.

И теперь ты сама избегаешь встречи. Хотя никто и не просит. И ты не пишешь и не звонишь. И вы встречаетесь спустя

несколько лет, случайно, возле Дзинтари, потому что он приехал не к тебе, но на какой-то новый музыкальный фестиваль юмора. И за несколько лет ты так и не успела похудеть, и он не успел объяснить тебе, почему тогда, в предпоследнем классе, вдруг перестал с тобой общаться. И, заметив тебя возле концертного зала Дзинтари, он говорит:

«Господи, Лидия, что же ты натворила с собой?»

«Прости», — говоришь ты.

«Прости, мне нужно идти за сцену», — говорит он.

«Да, конечно!»

«Еще увидимся!»

«Обязательно...»

И он уходит. За сцену. И ты смотришь на людей, которые идут на концерт. И кто-то думает, что ты плачешь потому, что не смогла купить билет. И кто-то даже предлагает тебе свой. И ты соглашаешься. И ты сидишь в зале и видишь, как во время одного из выступлений твой возлюбленный появляется на сцене. И весь зал смеется, потому что твой возлюбленный шутит. И ты плачешь. Ты рыдаешь во весь голос, и люди, которые сидят рядом с тобой, не могут понять, что происходит. Это не похоже на слезы от смеха. И тебе очень стыдно. И ты встаешь. И зрители аплодируют, и, кажется, аплодируют тебе, потому что уйти сейчас — это самое правильное решение. И ты уходишь. И он продолжает шутить.

И тебе не звонят. Ни завтра, ни послезавтра. И так даже хорошо, думаешь ты. Все еще будет хорошо. Даже после всего произошедшего ты веришь, что все будет хорошо. Ты веришь, что все будет хорошо, потому что у тебя есть замысел. Веришь, потому что его одноклассники поговаривают, что вроде бы не женился. А если не женился, то ведь только потому, что, наверное, очень

любит тебя. И ты, конечно, сама виновата, что все так произошло. Если бы тогда ты все разузнала, если бы тогда, на пляже, ты все выпытала у него, если бы все бросила и сразу поехала к нему, если бы была рядом, если бы не растолстела... Ты, ты, конечно, во всем виновата! Ты! Сам он бы не оставил тебя. И ты рада, рада, потому что понимаешь, что все еще можно изменить. Ты рада, потому что проблема не в нем, но в тебе. Ты рада, потому что понимаешь, что все, что тебе сейчас нужно — просто похудеть, похудеть и заново влюбить его в себя. И ты веришь, что это возможно. Это возможно хотя бы потому, что о тебе помнят. Тебя поздравляют с днем рождения! Каждый год. Не было еще ни одного года, чтобы тебя не поздравили. И тебе кажется, что это хороший знак, и ты решаешь похудеть. И тебе удастся. И ты тратишь на это всего около четырнадцати лет. И в твоей жизни многое меняется, и ты работаешь в аппарате президента Латвии, и ты очень красива, и, как и прежде, мужчины сходят от тебя с ума. В твоей жизни многое меняется, и не меняется только одно — ты по-прежнему любишь его. И твой врач, тот самый, теперь уже совсем старый, лучший в Латвии врач говорит, что если ты хочешь завести ребенка, то у тебя осталось не так уж и много времени. И нужно что-нибудь предпринимать. И ты решаешь, что неплохо было бы съездить в Москву. И спустя столько лет ты просишь секретаря разыскать номер одного человека. И тебе находят его. И ты звонишь. И ты говоришь, что будешь в Москве. И тебе говорят, что у тебя появился акцент. И ты смеешься и говоришь, что да, что теперь все реже говоришь по-русски, и говоришь, что будешь в Москве, и, что если он не против, то было бы неплохо встретиться. И он отвечает, что, конечно, не против. И что будет даже очень рад. Что по пятницам он с коллегами играет в покер, и если она заедет посмотреть, то будет славно. Куда? Да прямо в ТАСС.

ЗАМЫСЕЛ ОДИННАДЦАТЫЙ. ОН

Пишет раз в месяц. Плюс-минус несколько дней. Заход всегда один и тот же — что-то случилось. Отец не может просто так попросить денег — отцу стыдно. Он считает, что ходатайствовать позволительно лишь в случае относительно серьезного происшествия. Как результат — «что-нибудь» случается в одни и те же числа, в конце каждого месяца. Если перевести сумму больше — что-нибудь произойдет позже, согласно штатному расписанию. Отец ломает ноги, руки, чувствует боль в сердце, испытывает жуткие головные боли. Каждый месяц. Раз в тридцать дней Саша получает, по сути, одно и то же письмо: «Привет, дорогой, не хотел тебя беспокоить, но... но я вот недавно поскользнулся и, похоже, сломал ребра... жутко разболелись зубы... я сходил к врачу и... похоже... у меня рак...».

Рак, к счастью, не подтвердился. Рак был кризисом жанра. Одним из последних припасенных козырей. За несколько лет отец перебрал почти все более-менее серьезные поводы. Саша знал, что однажды отец рискнет использовать и эту болезнь. Саша чувствовал, что раком не закончится. Отец будет перелистывать медицинский словарь месяц за месяцем и описывать новые диагнозы, но лишь об одной болезни он никогда не пишет — он никогда не попросит денег на лечение от алкоголизма. Зачем?

С каждым разом письма давались все сложнее. Отец не видел собственного сына, почти не общался с ним, но в днях нуждался. Приходилось перебарывать себя и сочинять. Порой Саша представлял себе, как отец просыпается в их родном доме, садится за стол, делает глоток растворимого кофе и, открыв «почту», начинает работать. Без предварительного за-

мысла и черновика. Автоматическое письмо, о котором Бретон не мог и мечтать. Саше хотелось верить, что за эти годы у отца не появилось шаблона, и всякий раз слова «Дорогой сын» он писал заново.

«От того, как он напишет, — думал Саша, — зависит то, сколько я переведу». Саша все собирался завести отцу счет в банке — это уберегло бы родного человека от сочинений идиотских историй, но всякий раз у сына не доходили руки. Саша и не думал обманывать себя — не доходили только потому, что он по-прежнему радовался письмам.

Было совсем не важно, о чем просил отец, важно было только то, что каждое вновь присланное письмо начиналось словами: «Привет, родной!». Саша не заводил счет еще и потому, что очень надеялся, что однажды получит самое важное в его жизни письмо:

«Привет, сын! Тебе пишет твой отец, твой папа. Человек, мужчина, тот самый юноша, который когда-то сидел у твоей кровати и у которого не сложилась судьба. Такое бывает. Надеюсь только, это не передается по наследству. Ты не сердись, сына. Всякое бывает. Ты ведь не думаешь, что я сам мечтал стать тем, кем стал. Ты ведь уверен, и сам помнишь, что когда-то мы жили очень славно, и я нормально, даже хорошо зарабатывал и баловал тебя. Но все изменилось. Что стоит развалиться одной маленькой семье, когда рушится огромная страна?

Твоя мама, наверное, была права. Тогда, в девяностые, нам следовало поехать вслед за тобой. Но кто же мог знать? Я был уверен, что у меня все получится. Ты знаешь, мы с мамой сразу выучили язык, новая страна сразу приняла нас, мы были даже примером для других русских, но дело не в этом. Новая страна-то нас приняла, а новая жизнь нет.

Ты живешь, и тебе кажется, что ты хороший парень, что все будет чудесно, что после армии наступит длинная, интересная, счастливая жизнь. Но она все не наступает. А потом ты вдруг понимаешь, что — дерьмо. Просто так получилось. Ты — дерьмо! Никто в этом не виноват. Просто у Бога, судя по всему, был на тебя такой замысел.

Я не смог найти работу. И теперь уже, наверное, не смогу. Я не смог перебороть обстоятельства. И теперь уже вряд ли переборю. Я признаю, что остаток своих дней буду жить так, как живу, хотя я верю, что, может, чтонибудь хорошее и случится. Я не говорил тебе раньше, но, знаешь, из денег, которые ты переводишь мне, я всегда откладываю на лотерейные билеты. Я верю, что мне обязательно повезет — страна у нас все-таки маленькая...».

Саша ждал подобного письма много лет. Ждал, несмотря на то, что, как ни старался, не мог вспомнить о своем отце ничего хорошего. Саша вспоминал, как отец ссорился и дрался с матерью, вспоминал, как в день переезда в Москву пьяный отец не смог подняться с кровати, чтобы проводить сына. Саша вспоминал, как папа пришел на его выпускной, пришел пьяный. Как отец вырывал цветы у директрисы и после уснул в актовом зале. Саша вспоминал, как смеялись его одноклассники, как кто-то фотографировался на фоне его спящего отца, — и, несмотря на это, каждый день ждал заветного письма.

Письмо не приходило. Приходили сообщения, из которых Александр узнавал, что заболела мама, что у мамы начался климакс. Отец писал, что ей очень плохо, что многие женщины переносят климакс довольно спокойно, но это не наш случай. Маме худо. Жар. Бессонница. Депрессивное настроение. Кажется, мама начала резко сесть. Она все время плачет. Врач

прописал кучу дорогих лекарств. «Ты мог бы посмотреть в Москве, быть может, у вас они дешевле?» (хороший ход). «У меня-то, ты сам знаешь, денег совсем нет, поэтому пока лечим маму, чем можем, но нужны гели, таблетки, пластыри. И, привычная, концовка: Напиши, как у тебя дела, как дочь, как жена? Я тебя очень люблю и целую, пап...».

Текст пропадает. На экране высвечивается имя друга — звонит Гёба. Именно он, как правило, подгоняет мне халтуры. Можно сказать, что Гёба мой Морковин. Я, соответственно, его Татарский. Мой друг должен был умереть еще лет десять назад, но своевременный переход на тяжелые наркотики оживил его. «С чего это я должен сдохнуть? — часто вопрошает Гёба. — У меня продукт прямиком из федерации велоспорта — лучшего дилера во всей Европе не найдешь!» — что правда — то правда! Вещи ребята подгоняют знатные.

Гёба занимается абсолютно всем. Вместе мы проводим дни рождения высокопоставленных чиновников, расписываем рекламные кампании средств для похудения, выдумываем скандалы звезд в твиттере. Будучи исключительным фриком, Гёба водит знакомство с большим количеством неприлично богатых людей. Я называю его продюсером-примитивистом. Собственно, таковым он и является. Гёба обладает удивительной способностью кланчить деньги у состоятельных полудурков. Это его, пожалуй, единственный и настоящий талант.

Несколько лет назад Гёба попал к нам в отдел. Попал благодаря моей протекции. Нельзя сказать, чтобы Гёба был

сильным автором, но, время от времени, шутил неплохо. Я уговорил Нино посмотреть его. Нино кивнула. И началось... Вы довольно наивны, если полагаете, что в отделе, где люди сочиняют шутки, — все сплошь и рядом добряки и весельчаки. Все ни разу не так. Все ровным счетом наоборот. Гёба оказался к этому не готов. Сейчас вы поймете, о чем я. Среди сценаристов существует негласное правило: если кто-то написал что-то несмешное — ему не говорят: «Это не смешно!», в таких случаях, как правило, произносят: «Старина, подумай еще, покрути в другую сторону». В общем, так принято, но не всегда. Гёба столкнулся с совершенно другой, изматывающей историей. Буквально с первого дня его стали смешивать с дерьмом. Стоило Гёбе открыть рот, стоило пошутить только — Хасид и Капитан тотчас высмеивали его. Дедовщина, о которой во многих воинских частях могли только мечтать. Старые авторы даже не утруждали себя поиском корректных формулировок: «Что это за второканальное говно?!» — возмущались они, и Гёба поплыл. Гёба писал, и ничего не утверждали, Гёба прятал в своих скетчах шутки Вуди Аллена и Стивена Фрая, и ему все равно говорили, что он делает полное дерьмо. Я помню, как на одной из читок, после очередной попытки Гёбы, прозвучала ставшая впоследствии знаменитой фраза Капитана: «Да, авторов куча, а сценаристов нет».

Каждый день, какую бы смешную репризу ни выдавал Гёба, — никто не смеялся. Все сидели с каменными лицами. Более того, я видел, как старые авторы эти лица разыгрывали. Гёбу ненавидели за то, что он никогда не играл в клубе веселых и находчивых. У Гёбы не было необходимого (как им казалось) жизненного опыта. Гёба априори не мог шу-

тить смешно. Наши brave ребята искренне полагали, что лишь клуб веселых и находчивых выпускает звезд. В общем, Гёба попал в самый веселый, а значит, и самый невыносимый ад. До определенного времени Нино не вмешивалась, но после того как сам шеф, при всех, похвалил Гёбу на съёмочной площадке, к травле подключилась и она. В конце концов Гёба не выдержал и ушел. Какое-то время он даже немного обижался на меня, но что я мог сделать, если он действительно шутил нестабильно?

Есть такая игра: Дед Мороз выставляет вокруг елки стулья, водит хоровод и по хлопку предлагает малышам занять место. Гёба был ребенком, который вечно оставался без стула. С самого детства Гёба мечтал занять чье-нибудь место. Меньше всего он хотел оставаться самим собой. Именно это желание подтолкнуло его работать в отделе. В конце концов, Гёба осознал, что может быть неплохой прокладкой между людьми. Раз он ничего не умеет сам, он может заниматься сводничеством. Как результат — Гёба стал широко известным городским сумасшедшим. Он постоянно в чем-то участвовал. Проекты, проекты, проекты. Гёба так преуспел в своем деле, что со временем стал обладателем недвижимости в стране великого Федерико Гарсии Лорки и, кажется, даже похорошел. Впрочем, тут, скорее всего, помогли наркотики.

На этот раз, в одной из пьяных бесед, Гёба убедил какого-то парфюмерного магната пожертвовать на художественный фильм. Никакого фильма не было. Не было сценария. Не было даже замысла, но Гёба хотел новую машину. Магнат согласился, но потребовал, чтобы в главной роли снялся его любимый актер — эталон духовности. С духовностью

у озвученного персонажа было ровно столько же общего, сколько у людей, которые в советские времена расстреливали священнослужителей, но Гёба и не думал спорить.

Мне эта идея сразу не понравилась. Я знал, что святоша попытается оттяпать огромный кусок нашего пирога, но Гёба довольно доходчиво объяснил, что без предварительного согласия актера мы не получим даже аванс. Аргумент. Я согласился. Мы встретились с агентом актера. Агентом актера оказался батюшка. Я не шучу.

— Отец Андрей, нам очень нужен Петр для съемок.

— Петр сейчас не может. Петр на Соловках. Петр молится.

— Слушайте, а он не может попросить, чтобы Господь повисел на линии?

— Как вам не стыдно!

— Отец Андрей, очень хороший, важный фильм будет! Вот наш сценарист, Саша Филипенко. Чрезвычайно талантливый парень. Вы ведь видели программу, в которой четыре ведущих читают газеты и общутивают новости?

— Да, я ее очень люблю.

— Ну вот, а Саша один из сценаристов. Все лучшие шутки пишет он.

— Это неправда! Все лучшие шутки пишут Хасид и Флюгер. Я пишу худшие.

— У вас есть сценарий?

— Нет, сценария у нас пока нет, но есть средства! Большие средства! Мы хотим писать сценарий под Петра. Только он сможет справиться с этой ролью. Лучше никто не сыграет! Очень, очень нужна ваша помощь, отец Андрей!

— Понимаю...

— Вы же видите, что творится вокруг! Никакой духовности! Того и гляди — вашего брата опять начнут вешать на фонарях...

— Господь с вами!

— Еще никогда не было наше общество так разобщено!

— Что правда, то правда...

— Поэтому мы нашли сумму — сумму весьма приличную, поверьте.

— Ладно, я летаю на Соловки... за ваш счет...

— Ну разумеется! О чем речь?!

— Попробую поговорить с Петром, но ничего обещать не могу — сами понимаете...

— Да благословит вас Господь, отец Андрей!

Гёба звонит, потому что батюшка вернулся и у нас назначена встреча, о которой я совсем забыл.

— Шура, ты где?! У вас что, еще не закончилась съемка? Мы же договаривались!

— Дружище, прости — вылетело из головы!

— Ты совсем охренел?! Что значит — вылетело из головы? Батюшка уже паркуется! Слава богу, у него огромный джип и он уже полчаса не может найти себе место!

— Да меня уволили!

— Из-за блога?

— Да! А ты откуда знаешь?

— Мне Лена скидывала ссылку.

— Понятно...

— Но это ведь не ты его ведешь?

— Ну, конечно, не я!

— Я сразу так подумал. Уж больно там все смело.

— Где вы сидите?

— Отец Андрей выбрал «Семифредо».

— Я возле метро. Могу прыгнуть. Буду у вас минут через сорок.

— А чего не на машине?

— Долго рассказывать, развлечешь его?

— Да, я как раз думал пересказать ему твою теорию всепоглощающей божьей вины.

— Ты ее помнишь?

— Относительно.

— Расскажи, я скоро буду.

Моя теория заключается в следующем: во всем, что происходит на планете Земля, виноват Бог. Во всем, что происходит с вами, виноват Бог. Во всем, что случилось, во всем, что случается, во всем, что случится. В любой ситуации, абсолютно в любой и всегда виноват — Бог. Только он. Всегда. У него был замысел. Он взял на себя ответственность и сделал то, что сделал. Баста. Дальше — одни красные контейнеры. Все, что теперь происходит с нами, — отрыжка его сраненькой идейки о сотворении мира. Мог бы придумать что-нибудь получше. Нино такие идеи зарезает уже на стадии замыслов. Если он знал, что получится то, что получилось, — он мудак. Если он не знал, что получится так, как получилось, то он тем более мудак, потому что взялся за то, что не смог просчитать. В войнах, в землетрясениях и в пожарах виноват только он. В глупостях и недоразумениях, в хамстве и предательстве, в несчастьях, в зверствах, да даже в том, что птицы срут нам на головы, — виноват только он. Все эти разговоры о том, что люди превратили Землю в то, во что превратили, — жидкий кровавый понос. Бог, так или иначе, допустил все, что произошло. Он или хо-

тел, чтобы в нашей жизни были убийства и изнасилования, или болван и полудурок, который не смог помыслить, что мы очень быстро их придумаем. Бог — троечник. Не более того. Кретин, дуралей, бездарь. Бог — зазнайка. Тот еще! Не мы виновны в наших пороках — во всем виноват он. Даже в том, что я обвиняю его, — виноват только он. Нет ни в чем нашей вины. Абсолютно ни в чем. Зло, которое мы совершаем, заложено свыше. Наши ошибки — просчеты Господа. Мы такие, какие есть, только потому, что он помыслил нас такими. И если он такой, какие мы, ибо мы созданы по его подобию, — то он мудак, потому что мудаки мы... только он еще больший мудак.

Не думаю, что сейчас Гёба пересказывает это отцу Андрею.

В метро я еще раз открываю блог. Автор описывает сцену прощания двух влюбленных. Автор изображает мужчину и женщину, которые, обнявшись, стоят на коленях в центре гостинной. Незнакомый мне человек очень точно описывает мужчину и женщину, которые плачут. Он описывает мальчика, который вернулся из школы раньше обычного. Мальчик стоит — взрослые плачут. Взрослые плачут и бубнят. Мальчик молчит. Мальчик, по словам автора, наблюдает за всем происходящим как замороженный. Женщина, по словам автора, безостановочно целует мужчину. Лоб, виски, веки, брови, скулы, переносица, губы, подбородок — этим отрывком автор пытается подсказать читателю, что у моей мамы был роман с моим дядей. И автор, мать его, в очередной раз прав.

Через полчаса я сижу в ресторане. Рядом с нами обедает женщина, которая когда-то заказывала у меня праздник для

львицы. Женщина разговаривает по телефону. «Приезжай сюда — здесь весь бомонд! Ну как кто? Глава МВД, глава МЧС...».

Наконец, отец Андрей начинает ковыряться вилкой в зубах — мы понимаем, что можно переходить к делу:

— Дети мои, я поговорил с Петром...

— Аллилуйя! — в унисон протягиваем мы.

— Петр попросил моего благословения на триста тысяч евро...

— Сколько?! — возмущаюсь я.

— Это по-христиански, — перебивает Гёба.

— Дети мои, пишите сценарий! Петр попросил, чтобы это было честно, чутко и брало за душу. Петр просил, чтобы ему было что сыграть. Реквизиты для аванса я вам перешлю.

— Спасибо, отец Андрей!

— Саша, а я вот у вас хотел спросить...

— Слушаю, отец Андрей.

— Выходит, ведущие не сами шутят? Выходит, все шутки им пишете вы?

— Нет, это не совсем так. Мы создаем фундамент. Пять, шесть страниц текста. Во время программы ребята много импровизируют. Получается где-то пятьдесят на пятьдесят.

— Но они все равно часто проговаривают шутки, которые вы написали?

— Ну не только я. Нас, сценаристов, десять.

— Никогда бы не подумал — так живо выглядит!

— Значит, они хорошо выполняют свою работу.

— Саша, а вы вообще воцерковленный человек? Вы бываете в храме?

— Вы знаете, отец Андрей, недавно проходил мимо и почувствовал острую необходимость зайти внутрь, приобщиться, так сказать, к прекрасному, но потом вспомнил, что в Ветхом Завете сказано, что ни в коем случае нельзя поддаваться своим искушениям, — и прошел мимо.

— Шутите все! Ну Библию-то хоть почитываете?

— Конечно, я думаю, что ее написала группа очень талантливых авторов. Когда батюшка уходит (посчитав, что для нас будет большой честью оплатить его «Вдову Клико»), Гёба переключается на меня.

— Ну рассказывай!

— А что тебе рассказывать? Я сам только что узнал.

— Есть у тебя идеи? Кто бы это мог быть? Флюгер? Хасид?

— Нет, точно не они.

— Ты прочел всю книгу?

— Первые глав десять... а ты?

— Только последнюю.

— Он ее уже выложил?

— Да, он как-то странно выкладывает главы. Но с чего ты взял, что это «он»? Может, какая-нибудь «она»?

— Нет, женщина не могла так написать. И что там в последней главе?

— Твои похороны.

— Точно! Как же я сам не догадался?! Он же начинает с моего рождения...

— Довольно реалистично, стоит заметить, описаны. Думаю, они такими и будут.

— Я, к сожалению, на них не попаду.

— Думаешь, это не парни?

— Нет, совершенно точно нет. Никто из них не мог знать про моих родителей.

— А что там написано про твоих родителей?

— Не важно — важно, что ни Капитан, ни Туловище не могли этого знать. Я даже тебе этого никогда не рассказывал.

— Ты и сам не помнишь всего, что мне рассказывал. Может, ты кому-нибудь наболтал лишнего?

— Исключено.

— Под бутиратом...

— Гёба, ты же сам прекрасно знаешь, как действует бутират. Ты или в сознании, или отключаешься. По пьяни я мог кому-нибудь что-нибудь рассказать, но совершенно точно не в таких объемах.

— Твои родители?

— Нет.

— Лена?

— Нет.

— Ну, есть у тебя какое-нибудь предположение?

— Нет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗАМЫСЕЛ ПОСЛЕДНИЙ

Включайте минорную музыку. Удаляйте мой номер из записных книжек. Читайте переводы Одена. Пускайте слезы и титры. В этом фильме снимались...

Никогда бы не подумал, что мои похороны будут выглядеть именно так. Рижский крематорий. Скромно, пусто, никак. Где миллионы лилий?! Где черные крепы, где катафалк и горнисты? Вероятно, подобная участь ожидает каждого, кто однажды покинул свой город. Пилигримов хоронят без почестей. Моя вина, признаюсь, я и думать забыл, что мое кладбище здесь, в Риге, в пятнадцати минутах езды от дома. Сосны, ели, мост, река. Ваш покорный слуга искренне полагал, что прощание с ним пройдет в Москве. Я почему-то думал, что остановится город, что тысячи людей придут к Центральному дому литераторов и по команде зарыдают женщины. Я верил, что из разбуженных, хрипящих громкоговорителей зазвучит Малер и на всех кнопках отменят

развлекательные программы. Я думал, что веера будут всех темных цветов и деятели культуры станут врать перед объективами телекамер, будто невозможно подобрать нужных слов. Я и представить себе не мог, что в конце жизни окажусь здесь, в Риге...

В самом деле, разве может человек, который раз в год навещает собственных родителей, помыслить, что гроб с его телом погрузят в самолет и отправят домой?

Хорошо хоть не трясло!

Разве мог я даже в мыслях допустить, что на мои похороны придут лишь мать и отец? Господи, даже дочери и бывшей жены здесь нет! Сюда не приехали ни Гёба, ни Фантик. Ни один, мать его, так называемый друг не посчитал нужным прилететь. «Шура, к вам же туда виза нужна, да? А у меня пустые странички в паспорте закончились. Саня, ну ты сам посуди: ну ты же мудак оказался редкостный! Нам здесь, в Москве, нужно Лену с девочкой похоронить. Ты же и их, падла, за собой потащил... Саш, ну сколько мы тебе говорили, ну завязывай ты с бутиратом — уснешь же однажды за рулем. Видишь, так и случилось... А могло ли быть иначе? Мудак ты все-таки, Саня, такой мудак...»

Мама молчит. Недельный запой. Хорошо, если она вообще понимает, что происходит. Отец плачет. Я в белой рубашке. Спасибо, конечно, что выбрали мою любимую одежду, но почему не довели дело до конца? Неужели так сложно было застегнуть пуговицы на воротнике? И еще эта идиотская прическа! Зачем вы так уложили мои волосы? Ребята, у меня в семье не было балканских наркобаронов! Кому вообще в голову могло прийти сделать этот пробор? Как вы себе представляете смерть? Вы думаете, что сразу после того, как закроется крышка гроба, я отправлюсь на чемпионат мира по бальным танцам? Неужели так сложно проявить немного уважения к человеку в его последние

десять минут? Спасибо, что хоть блестками пиджак не посыпали!

«Давайте начинать», — наигранно произносит какая-то женщина.

Говорят, за жизнь нужно успеть сделать как минимум сто важных дел. Думается, я не сделал и десяти. Но дайте мне ваш список — я взгляну.

Первое: заснуть под звездами. Бывало. Более того, ваш почтенный слуга имел честь засыпать не только под, но и со звездами. Честно сказать — многие из них неплохо отсасывали за подводки к сценарию. Пункт второй: выключить телефон на неделю. Нет, я никогда не делал этого, зачем? Я не плавал с дельфинами и даже никогда не был в дельфинарии, зато видел живого кита в Исландии. Я никогда не нырял с аквалангом, хотя, до того как начать беспробудно пить, мой отец очень любил подводную рыбалку. Я не был в Мексике, но Мексика часто бывала во мне, в виде текилы. Я выучил английский, но постоянно путал времена. Я лазал по деревьям, случалось, но только в детстве и всегда боялся упасть. Я был осторожным. Я никогда не занимался любовью на пляже, хотя он был всего в трехстах метрах от моего дома... Зато! Зато я трахнул одну дамочку в вагоне метро между двумя станциями, на мосту над Москвой-рекой! А?! Каково?!

Я пускал мыльные пузыри вместе с дочерью, бывало, но, кажется, в такие вечера всегда был пьян. Я писал много писем, но не отправлял их в бутылке, потому что в моей бутылке всегда был бутират. Я не посадил дерева. На хрена? Не построил дом, не завел сына. Пингвинов? Пингвинов я видел только в зоопарке. Я так и не научился танцевать сальсу, потому что ненавижу танцы. Я любил музыку. Разную. Я начал шутить, потому что это

был один из немногих действенных способов позабыть о том, что происходит в моей семье. Как и Флюгер, как и Беспольный, как и Туловище, я стал грустным клоуном — это да. Я не создал свой бизнес. Я ничего вообще не оставил после себя. Кажется, нет ничего скучнее — это я про бизнес. Я никогда не хотел власти, меня всегда сместили закомплексованные политики. Я влюблялся без памяти, и всякий раз мне казалось, что это та самая, единственная и настоящая любовь, но уже к вечеру, качественно подрочив, я понимал, что любовь ничего не стоит. Нет, я никогда не влюблялся. По-настоящему. Я никогда не был членом жюри ни одного из известных человечеству конкурсов, хотя и стал телеакадемиком. Я никогда не танцевал всю ночь, даже тогда, когда впервые попробовал экстази и кокаин. Я же говорил, что ненавижу сальсу. Я не стоял под водопадом и не встречал Хэллоуин в Америке, потому что всегда считал этот праздник идиотским. Однажды, в отпуске, я лежал целую неделю на берегу океана, но вместо волн слушал аудиокниги, шум моря заглушали Селин и Пруст. Я научился кое-как кататься на коньках, но это никогда не доставляло мне удовольствия, хотя, конечно, как и все парни Латвии, я восхищался Санди Озолиншем. Я бывал в Венеции, но не во время карнавала и всего один день, когда вместе с Леной мы отправились в Италию в то, что называлось свадебным путешествием. Я никогда не писал никаких планов на год и никогда ничему не следовал. Не помню, наблюдал ли я лунное затмение, наверняка да. Я не встречал Новый год в экзотических странах, не прыгал с парашютом и не любил себя — я любил подтираться и нюхать свое дерьмо. Я покупал дорогие вещи и хорошо водил машину. Я не завел верных друзей и не видел закат на Бали. Я был в Париже, но никогда не взбирался на Эйфелеву башню. Я никогда не медитировал,

не прыгал в море со скалы и не бегал марафон — марафонцы всегда казались мне кретинами. Я не ездил верхом и не держал в руках живую бабочку, я всегда боялся змей и так и не смог расстаться со страхом, который преследовал меня с одиннадцатого класса. Я не летал на воздушном шаре, не катался на слоне и не побывал на всех континентах. Я не забирался на гору, не купался в одежде и не купался голышом. Я так и не сделал себе татуировку, хотя и подумывал об этом. Я не смог вылечить родителей от алкоголизма, зато, в отличие от многих других живущих на этой долбаной планете людей, уже успел умереть.

Потеряв всякое самообладание, вдруг начинает визжать отец. Похоже, он единственный человек на Земле, которого действительно расстраивает моя смерть. И дело не в деньгах. Дело в том, что папа по-настоящему любит меня. Не в потере инвестора дело, дело в утрате смысла. Папа рыдает, потому что в его жизни больше нет основания, нет одного-единственного оправдания, коим я был. Что бы ни случилось, что бы ни происходило, отец всегда мог расплатиться мной по счетам судьбы. Переезд в Москву, статуэтки, статус телеакадемика — все это было поводом для гордости и поддержкой, когда он продолжал пить и покупал бухло в кредит. Отец всегда мог сказать себе, что прожил жизнь не зря, что, если чего-то не добился сам, то, во всяком случае, сделал дело, куда как более важное, воспитав успешного сына. Понятно вам что-нибудь из того, что я говорю?

Отца разрывает. Кажется, я чувствую, как выворачивается его грудь. Мать сидит рядом. Мать молчит. Мама смотрит в одну точку. Кажется, ее тошнит. Мне неприятно.

Я понимаю, что все это очень плохо закончится. Впрочем, я привык. Мои родители были пьяными на всех самых важных событиях моей жизни. Будет хреново — это да.

Я понимаю, что отец не выдержит и года — откажет сердце. Мать продолжит пить, пока не потеряет дом и не окажется на улице. Ей вряд ли кто-нибудь поможет. На Латвию в этом деле рассчитывать не стоит. В общем, зря я это, конечно, зря.

Какие-то люди закрывают гроб. Кажется — мне больше не видно — отец падает на колени и ползет ко мне. Да уж, герой Камю вел себя гораздо приличнее.

Меня опускают к печам. Здесь уже не до любезностей. На «вы» ко мне никто не обращается. Меня вот-вот сожгут. Конец истории. Баста, карапузики. Время подводить итоги. Последние секунды... Что обо мне сказать? Не дотянул до сорока. Убил жену и дочь. Похвастаться, в общем-то, нечем. Разве что... разве что я видел, как сборная Латвии выступала на чемпионате Европы по футболу... мало кто мог поверить, что однажды это случится. Вот, собственно, и все. Похоже, даже в последнюю секунду я пытаюсь шутить. Вот такой я человек. Что добавить про такого парня? Да нечего. Кажется, смерть — это лучшее, что с ним могло произойти.

Мы сидим в машине возле Кремля. По капоту барабанит дождь. Лобовое стекло запотело. Двигатель работает, но мы никуда не едем. Мы стоим. На месте. Гёба делает дырку в пластиковой бутылке, я смотрю на красную стену и размышляю вслух: «Люди, которые живут в городах, часто мечтают переехать к морю. Люди, которые живут у моря, мечтают переехать в горы. Люди, которые живут в горах, порой, задумываются о переезде в город. И только парни, которые живут в Кремле, кажется, никогда и ни о чем не мечтают. У них есть и горы, и города, и моря». Гёба не отвечает. Гёба дубасит.

— Слушай, а может, ты все это написал? — не поворачиваясь к Гёбе, спрашиваю я.

— Хочешь травки? Ты еще и не такое придумашь!

— Нет, я серьезно! Что, если это действительно ты? Ты дружишь с нами много лет, постоянно вместе с нами играешь в покер. Ты был в отделе. Ты знаешь Лену, бывал у меня дома...

— Шура, посмотри на меня.

Я смотрю. Всклокоченные волосы. В правом ухе большая серьга. Красные, даже в темноте, глаза. Глубокие, словно реки, морщины. Десяток раз поломанный нос. Неровно стриженная борода. Рубашка в цветочек, вязаная жилетка. Большой нагрудный значок с Боярским. Гёба выглядит так, словно только что покинул фестиваль в Вудстоке и с минуты на минуту должен умереть от остановки сердца. Думаю, 25 июля 1980 года Высоцкий выглядел немногим лучше, чем сейчас Гёба. Нет, он, конечно, не может вести блог.

— Что там в последней главе?

— Я же говорил тебе — твои похороны. Ты, якобы, выпиваешь бутират, засыпаешь за рулем и вылетаешь на встречу. Из-за тебя погибают Лена и девочка. Никто не приезжает на твои похороны. Тебя хоронят в Риге. Слушай, может, это твой отец написал?

— Ты смеешься? За последние двадцать лет он ничего, кроме бутылки, в руках не держал.

— Мать?

— Исключено! Там та же история. Они пьют целыми днями.

— Ну не Лена же?

— Конечно, нет...

— Выходит, кто-то из парней?

— Выходит, что так...

— Слушай, дружище, а чего гадать-то? Поехали в ТАСС! Прямо сейчас! Все садятся играть в покер. Приедем, поиграем, объяснишь все парням и узнаешь!

— Действительно! Гениальный план! Браво, Гёба! Человек, который все это устроил, возьмет да и признается! Раньше не захотел, придумал все это говно, а теперь возьмет и признается...

— Тоже верно. Ну а ты замечал что-нибудь странное?

— Гёба, ты из какого детектива вылез? Что странное? Коллегу с гусиным пером в руке? Парня с печатной машинкой? Человека с бакенбардами? Нет, Гёб, ничего такого не замечал. Я вообще-то в отпуске был. Слушай, а ведь не сложно узнать ip-адрес, с которого посылаются сообщения?

— Думаю, совсем не сложно.

— Поможешь мне?

— Да, постараюсь узнать.

— Хорошо, а теперь отвези меня, пожалуйста, в Останкино.

— В Останкино? Сейчас?

— Да.

— Зачем?

— Я машину там оставил.

Гёба кладет бутылку в карман водительской двери, выгоняет дым и дергает рычаг коробки передач. За окном трогается Кремль. Я улыбаюсь.

— Ты чего это сияешь?

— Вспомнил кое-что. Помнишь, несколько лет назад выбирали талисманы Олимпиады?

— Ну-у... было что-то такое, да...

— Это же очень смешная история. Я каждый раз, когда смотрю на Кремль, вспоминаю ее. Мне кажется, эта история отлично характеризует нашу страну. В общем, кто-то там у них решил устроить всенародное голосование, мол, вся страна сама выберет символов Олимпиады. Понятное дело — нам сразу отдали права на показ торжественного мероприятия. Ваня вел. Нас с Флюгером попросили написать подводки. Мы сразу поняли, что цену можно называть любую — они даже не торговались. В общем, ничего особенного. Обычный, никому не нужный сборный концерт. Доля 15—17. Никакой ответственности. Нас не очень-то напрягали, мы спокойно себе работали, но с какого-то времени поняли, что шеф ездит сюда, в здание за красной кирпичной стеной. Как позже выяснилось: на одном из совещаний он показал шефу всех шефов предполагаемых талисманов Олимпиады. Кто-то за столом додумался спросить: «А какой вам нравится?». Ну, царь всех царствующих и ткнул пальцем в звереныша, который ему понравился. Как ты понимаешь, с этого момента символ Олимпиады был выбран. Казалось бы, все очень просто, но через несколько дней, а быть может, за день до этого (я точно не знаю), талисманов показали правой руке шефа всех шефов, и тот вроде как ткнул пальцем в другого талисмана. Накладочка! Коллапс! Так у Олимпиады появился второй звереныш. Кто-то быстро сообразил, что если у Игр будет всего два талисмана — граждане поймут, что символы выбрал тандем, поэтому решили выбрать третьего. Так нарисовался последний, третий талисман. Ну а нам-то что? Мы с Флюгером сидим, пишем — нам же проще. Нам бы гоно-

рары забрать и забыть поскорее — своих дел куча, Нино каждый день выносит мозг. В общем, мы халтурим, все вроде бы идет хорошо, но тут вдруг выясняется, что народ собирается голосовать иначе.

— В каком смысле иначе?

— Не так, как уже решено. Несколько радиостанций, не предполагая, что талисманы давно выбраны и утверждены, устроили опросы общественного мнения.

— Подстава!

— Еще какая! Тандем и народ мыслили по-разному. Неодинаковые у них были предпочтения. По всем опросам, с большим отрывом лидировал Дед Мороз. Именно старик из Великого Устюга должен был стать символом Олимпиады, но в здании за большой кирпичной стеной он никому не понравился. Получался — ой. Уже вроде как все решили, все довольны, а потом вдруг выясняется, что народ собирается голосовать иначе. Какая характерная история для нашей страны, не правда ли? И все это выясняется за несколько дней до голосования! Дед Мороз лидирует по всем фронтам, за него и Камчатка, за него Сыктывкар, беда только в том, что лидеру страны он не очень нравится. И что делать? Вопрос! Умные ребята и рады бы за ночь наклепать на Деда Мороза компромат, но он вроде как чист, добр и свят. В него дети верят! В общем, сидим мы с Флюгером перед очередным совещанием, и вдруг подходит к нам какой-то паренек, серенький такой, в костюмчике, и говорит: «Вы сценаристы?» «Не без этого», — по-довлатовски отвечаю я. «Ребята, — говорит, — есть такое дело... Дед Мороз должен взять самоотвод». Мы ржем. Он молчит. С места не двигается. Я понимаю, что нужно успокоиться. Беру себя в руки

и задаю, как мне кажется, весьма резонный вопрос. «Простите, — говорю, — но как же он может взять самоотвод? Он же несуществующий персонаж!» — «А это уже, ребята, ваша забота — вы же сценаристы!» — отвечает он. И вот я смотрю на Флюгера, он смотрит на меня, и мы понимаем, что у нас есть что-то около пятнадцати часов, чтобы придумать, почему, мля, Дед Мороз берет самоотвод!

— Ты серьезно?

— Абсолютно!

— И что вы придумали?

— Подагра!

— Ну а если честно?

— Ничего! Ты издеваешься? Мы смеялись целые сутки! Как тут можно что-то придумать? Нет, у нас, конечно, были идеи: Флюгер предлагал самоубийство, а я — запой, но, к счастью, уже на следующее утро все решилось само собой. Пришел тот же паренек и сказал: «Дед Мороз прислал письмо — записывайте!» Я записал. Получилось что-то вроде того, что если Дед Мороз выиграет голосование, то все права на использование его образа перейдут Олимпийскому комитету, а он, наш любимый Дедушка Мороз, наше счастье, вера и гордость, конечно, не может принадлежать чужеземцам, и потому Дедушка Мороз отказывается от участия в гонке и берет самоотвод!

— Сюрреализм!

— Чистейший...

— А выиграл-то кто?

— Ну как это кто? Выиграли те, за кого проголосовали полтора миллиона граждан.

— Но мнения-то совпали?

— Поразительным образом!

— Об этом написано в твоём блоге?

— Не знаю, вроде нет, во всяком случае, я еще не читал.

— Если да, то понятно, за что тебя выперли.

— Да ну, брось! Кого может заинтересовать эта история?

— Но это же международный скандал!

— В чем скандал? В том, что у парня спросили, кто ему нравится? У него спросили — он ответил. Он же не сам это все сделал. Кто-то хотел выслужиться, а дальше все просто совпало. Никогда никаких концов ты не найдешь. Тоже мне, скандал! Наша страна таких скандалов по сотне на завтрак переваривает. Даже если это появится в блоге, то уже ни на что не повлияет. А вот то, что там написано про Нино — вот это действительно хреново.

— Выходит, это Флюгер?

— Нет, совершенно точно нет!

— Почему ты так уверен?

— Не стал бы Флюгер писать роман. Зачем ему это? Кому вообще в наше время может прийти в голову писать роман? Что это за чепуха? Сколько получают эти арт-задроты? Сколько можно заработать, написав роман? Кто из сценаристов, с нашими зарплатами, станет марать руки литературой? Да я за одну страницу сценария вечера, посвященного брит-мила, получу больше!

— Ну, хорошо, тогда кто же все это написал?

— Выходит, что я...

Я затыкаюсь. Беру в руки телефон. Пока мы разговаривали, неизвестный мне ублюдок выкладывает новую главу. Я продолжаю читать.

ЗАМЫСЕЛ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. ТЫ

Трясешься в электричке. За окном река, лес, май. В вагон врывается запах моря. Из носа хлещет кровь. Ее не остановить. Во всяком случае, электричку остановить проще. Для разбитого носа не придуман стоп-кран.

Тебя только что избили. Двое парней. Милиционер и его друг. Глупая история — сам виноват. Верх банальности. Драка из-за девушки. Вздор. С кем не бывает? Впрочем, дракой это назвать сложно — ты почти не сопротивлялся. Били тебя, били в заброшенном парке. Один из нападавших очень любит эту девушку, а ты — ты толком и разобраться не успел, но, кажется, нет. Поэтому ты чувствуешь свою вину. Ты, конечно, хотел просто покрутить с ней. Ты и не думал разрушать их отношения. Просто занялись любовью. Один или два раза. Кто бы отказался в твоем возрасте? Ты и представить себе не мог, что она так влюблена. Ты просто наговорил ей кучу каких-то совершенно понятных и банальных нежностей. Кто бы на твоём месте поступил иначе?

Кровь не остановить. Дело — дрянь. Милиционер был рассержен. Ты это сразу понял. Слово лифт, то вверх, то вниз, по твоей грудной клетке разгуливает страх. Парня можно понять — у него отбирают самое дорогое. Ты думал, что он не вычислит тебя, но он же мент! Это его работа! И тебя подкараулили. Возле школы. Почти неделю тебе удавалось незаметно возвращаться домой, но только не сегодня, сегодня прямо на крыльце тебе предложили сесть в милицейскую копейку. Зачем? «Да не бойся ты, дурачишка, просто так, поговорить». И ты сел, и машина тронулась, и мусор не дождался свою возлюбленную, и, оказавшись на крыльце, она, конечно, отметила, что возвращается

домой одна, без эскорта. Не мусор, но его друг, который сидел рядом с тобой на заднем сиденье, приставил к твоей шее шило. Это шило ты запомнишь на всю жизнь: толстая игла, деревянная ручка — отличный экземпляр для прокалывания человеческой кожи. Тебя схватили за волосы. Тебе сделали больно. Человек за рулем начал задавать вопросы. Тебе было страшно. Ты пытался объяснить, но не находил слов. Собственно, ты вообще не знал, зачем все это затеял. Ты трясся. В тебе не было смелости, потому что не было любви.

И ты получил пощечину. Сильную. Хлесткую. Звонкую. Шило еще сильнее прижималось к твоей шее. Ты чувствовал собственный пульс. От страха ты закрывал глаза. Незнакомец постоянно дергал тебя за волосы. Ты думал, что нужно собраться, разрядить ситуацию, что-то сказать, быть может, даже пошутить, объяснить и извиниться, но ничего не выходило. На тебя кричали, и ты продолжал всхлипывать. Тебя били. В машине и в парке. Слово из только что пробуренной скважины фонтаном била кровь. Болели бока. Нули почки. Ты пытался поднести руки к носу, но тотчас пропускал еще один удар — на этот раз в челюсть. Удар был настолько сильным, что ты падал на колени. Ты понимал, что тебе нужно начать защищаться, закрываться, отвечать, бить еще яростнее, но ты боялся. Их было двое. Они были взрослее и, конечно, сильнее тебя. В тот момент ты думал только о том, что, если сделаешь человеку больно, ему захочется сделать тебе еще больнее, и так будет продолжаться вечно. Ригодон мести. Маятник Фуко. И ты опускал руки. И даже не защищался. Твои губы, подбородок, шея и рубашка были в крови и пыли. Мужчины ждали твоих действий, но ты ничего не делал, ты просто валялся на земле и закрывал глаза.

Когда ты вновь открыл их — рядом уже никого не было. На земле валялось лишь вымазанное в грязи шило.

Спустя полчаса ты трясешься в электричке. Ты думаешь, что правда — это совсем не больно. Не страшно совсем. Несколько дней ты страшился, что тебя избьют, но на деле все оказывается быстро, легко и просто. Шок — прекрасное изобретение. Спасибо природе. Ты успокаиваешься. Всю неделю твою грудь затапливали тревога и волнение, то и дело страх подталкивал кадык к горлу, а теперь тебе совсем хорошо, ты чувствуешь, как возвращается спокойствие. Тебе весело и легко.

Когда дверь открывает пьяный отец, ты улыбаешься ему и ничего не отвечаешь. Ты давно не здороваешься с ним. Хорошо, что опять набухался, думаешь ты, во всяком случае, сейчас не придется ничего объяснять. Будь отец трезвым, возможно, у него бы даже появились вопросы, есть вероятность, что он разволновался бы, а так — так все как всегда — он облакачивается на стену и дает тебе пройти. Ты закрываешь дверь своей комнаты и прыгаешь на кровать. Кровь наконец остановилась. Худшее позади. Ты ложишься и совсем скоро засыпаешь.

Страх возвращается вечером. Вместе с грохотом проезжающей электрички он запрыгивает в твою комнату через открытое окно. Ты чувствуешь боль в груди, едва уловимую вибрацию в сосках. В этот момент ты еще не знаешь, что это чувство будет преследовать тебя долгие годы. Ты ходишь по комнате. Несколько часов. Выбираешь вещи. Стягиваешь и натягиваешь носки, несколько раз переодеваешь джинсы. Ни одна из маек тебе не нравится, ты не можешь решить, в чем завтра пойти в школу. И ты не идешь. Ты не выходишь из дома и не встречаешь первых майских туристов, не садишься на скамейку и в страхе даже не пропускаешь несколько электричек. Тебе страшно. Ты боишься,

что этот debil вновь выловит тебя. Ты боишься, что наступающий день закончится точно так же, как прошедший. Ты пытаешься убедить себя, что ничего плохого уже не произойдет, что все худшее позади, но поздно. Механизм беспокойства не остановить. Его жернова перемалывают твои внутренности. Кажется, твое сердце перерублено в фарш. Тебе больно. Проходит еще один день, и ты вновь остаешься дома. И еще. Рига существует где-то там, далеко, по правую руку от тебя. Теперь тебе кажется, что ты уже никогда не вернешься туда.

И теперь ты ходишь только на пляж. И весь день смотришь на море. И весь следующий день, и всю неделю. Ты изучаешь волны и представляешь, как в твоём доме звонит телефон. Учителя пытаются понять, где ты пропал, но, к счастью, у родителей запой. Едва связывая слова, отец объясняет, что ты не погиб, что с тобой все хорошо и что он обязательно разберется, и этого оказывается достаточно. Он продолжает пить и даже не задает тебе никаких вопросов, как не задаст их в тот день, когда ты соберешь вещи и уедешь в Москву. Ты смотришь на море, и тебе кажется, что проблема решена. Ты будешь изображать болезнь до конца учебного года. За лето, думаешь ты, страх выветрится, а осенью ты вернешься в школу как ни в чем не бывало. И даже не заговоришь с ней, и все будет хорошо, думаешь ты...

Через несколько дней Лидия сама находит тебя. Здесь. На пляже. Она спрашивает, почему ты вдруг пропал, но ты ничего не отвечаешь. Ты молчишь. И молчит она. И не молчит только море. Море требует, чтобы ты объяснился, но ты не находишь слов. Море протестует, море шумит, но ты молчишь. И молчит Лидия. Она сидит рядом с тобой, и ты понимаешь, что тебе нечего сказать. Ты смотришь, как ветер засыпает твои кроссовки песком, и молчишь. И молчит Лидия, которая не смотрит, как ветер

засыпает твои кроссовки песком. И ты не смотришь на Лидию, и не смотришь на волны, но смотришь только на песок, и в этот момент впервые в жизни ты понимаешь, что ты — трус.

— Гёба, останови машину!

— Зачем?

— Гёба, останови!

— Здесь?

Я выбегаю на площадь. Выжженный квартал. Из рта шевелит непрожеванный крик. Я ору. Размахиваюсь и что есть силы ударяю телефон об асфальт. Телефон разлетается на части. Страх, который я испытывал много лет назад, возвращается. Он улыбается мне. Я вижу довольную физиономию милиционера. Меня разрывает от ненависти. Я мечтаю убить его. Я знаю, что бояться — глупо. Бояться чего угодно, при любых обстоятельствах — нормально, но глупо! Так говорит мой док, вернее, док говорит не совсем так, но я все равно знаю, что бояться глупо. Глупо! Я топчу обломки телефона. Меня колотит. Трясутся руки. Судороги, слипшиеся комом. Я не собираюсь бояться ничего. И попадись мне сейчас автор, даже будь он сам Бог — я убью его!

Я не знаю, сколько все это продолжается. Не знаю. Я как в тумане. Знаю только, что сижу на корточках и Гёба, Гёба, который все это время не вмешивался, в конце концов подходит ко мне и говорит:

— Слушай, может, все-таки поедem в ТАСС, а?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

На экране, сидя за столом с газетами, шутят четверо ведущих. Я пересматриваю все выпуски, один за другим. Светлый начинает, Гарик перебивает, Ваня подводит итог. Саша молчит. Молчу я. Я вспоминаю, как каждый четверг, во время читки, Гарик сидит рядом со мной. Пока парни накидывают шутки, Гарик шепчет мне: «Саня, представь: я даю тебе миллион долларов, но рядом с тобой все время ходят двенадцать лучников. Абсолютно везде, на улице, толпятся дома, даже в душ с тобой заходят, согласен?» — «Надо подумать». — «Хорошо, тогда вот еще: я даю тебе три миллиона евро, но каждый день у тебя из бороды и ладоней растет укроп, согласен?» — «Согласен». За год работы над программой мы прошли все стадии гариковской фантазии. «Саня, я даю тебе два миллиарда евро, но ты море. Идет?» — «Идет».

Я бы хотел быть морем. Быть морем славно. Быть морем невообразимо. Ты спокоен. Когда ты шумишь, все вокруг находят это прекрасным. Никто тебя не достает. Ты дружишь с лагунами, бухтами и заливами. В тебя отражаются звезды

и луна. О тебе мечтают, тебя любят. Фьорды, архипелаги, острова. Когда ты море — твоя жизнь гораздо лучше, чем жизнь сценариста, особенно если у тебя есть два миллиарда евро.

Ребята лупят шутки про премьер-министра. Я пытаюсь вспомнить, какую из них написал я. Меня часто спрашивают: как сочинить шутку? Что происходит в голове сценариста в тот самый момент, когда рождается реприза? Весь фокус в том, что никто и никогда не ответит вам на этот вопрос.

Никакого секрета нет — вы или шутите, или нет. Это как родиться в Кении с костью, которая весит на триста граммов меньше, чем у любого среднестатистического европейца. Однажды вы просто понимаете, что на роду вам написано бегать. Кому-то, я имею в виду людей вроде меня, суждено шутить. Этому невозможно научиться. Это умение можно лишь развить. Шутить, шутить, шутить, закрываясь от всего мира. Юмор — это прежде всего колоссальный опыт. Опыт, например, моей семьи.

Я выключаю телевизор. Беру в руки телефон. Блог не обновляется. Уже несколько дней. Ублюдок ничего не пишет. Изучая возможности нового аппарата, я открываю нашу с ним страницу, перечитываю уже выложенные главы. Ничего нового. Я обновляю, обновляю, обновляю, но сукин сын и не думает проявляться. Нет, нет и нет. Будто в каждом предложении, в каждом слове, в каждой мелочи вырастает эта отрицающая все буква «Н». Мой персональный бог не отвечает мне. Мой персональный бог ждет.

Грустная история. Дождь, минорная музыка. Фортепьяно, щеточки по барабану, капли по стеклу. Хороший пример

для покойного Бахтина. Я уверен, что, подобно тому как автор Евгения Онегина дружил с главным героем, автор «Замыслов» дружит со мной. В этом я не сомневаюсь. В этом нет проблемы — проблема заключается только в том, что я не дружу даже с самим собой.

Время от времени под текстом появляются новые комментарии. Неизвестные мне люди благодарят новоиспеченного писателя и просят поскорее выложить следующие главы. Идиоты! Вновь прибывшие читатели спрашивают, в каком издательстве выйдет роман, и обещают во что бы то ни стало его купить. Автор ведь будет не против? Против, кретины...

Я злюсь. Мой блог раздражает меня. Я жалуюсь на него, но администраторы не спешат удалять текст, администраторы утверждают, что мой блог веду не я.

Слух о моем увольнении разлетается слишком быстро. Один за другим мне названивают креативные продюсеры ведущих телеканалов. Все эти бараны с птичьими фамилиями, все эти полудурки, которые за жизнь прочли всего одну книгу и с тех самых пор считают себя людьми в высшей степени образованными, предлагают мне встретиться. Люди-циферки уверяют, что смогут предложить мне отличные условия. Парни, для которых единственным счастьем в жизни была, есть и навсегда останется высокая доля, обещают сделать все, чего я только пожелаю. Скоморохи, они хотят, чтобы я произвел им еще немного дерьма. Они жаждут заполучить меня. Кретины знают, что за долгие годы работы на телевидении я произвел тонны отборных, выдающихся фекалий. Я именно тот, кто нужен их лаборатории. Я никогда не спорю, никогда не отстаиваю

свои замыслы. Я всегда делаю только то, о чем меня просят. Я идеален. Я, я и еще раз я — одна из лучших в стране пищеварительных систем.

Кроме работодателей называют старые приятели и незнакомые мне люди. Мной восхищаются, мне сочувствуют, мне угрожают. Одни благодарят меня за то, что я наконец без прикрас описал телевизионную кухню, другие, напротив, обвиняют в том, что нарушил негласный закон, рассказав цеховые секреты. Так или иначе, судя по всему, телевизионная кухня интересует читателей гораздо больше кухни моего детства. Львиная доля комментариев сводится к одному: «Так а что, правда, что они не сами себе шутки пишут?» Сами! Сами! Конечно, сами!

Время от времени названивает док. Док настаивает, что нам нужно встретиться, поговорить. Я отвечаю, что у меня нет времени. Меньше всего я сейчас хочу оказаться на его кушетке и отвечать на сотню вопросов и предложений. «Саша, вам нужно постараться услышать себя, Саша, все, что вам нужно, — как книгу, внимательно прочесть себя!». Док обожает эти сравнения с книгами, фильмами и симфониями. Док вообще-то далеко не дурак, но сейчас он — совершенно точно не то, что мне нужно. Не хочу я лежать и, как обычно, рассказывать ему о том, как мы утверждаем сценарий.

— И все же, прошу вас, расскажите! И не называйте меня «док»!

— Да а что рассказывать, док? Нет в этом ничего интересного! Обычная, не очень приятная процедура. Что-то вроде депиляции. С ведущими проблем не бывает, если они и делают замечания, то, как правило, по делу. Ребята сами много играли и могут понять, что смешно, а что нет. С Нино

тоже все более или менее понятно. Все зависит от ее настроения и от ее глобальных планов относительно вас. Если вы ей неприятны, то будь вы даже Вуди Аллен, вы все равно не сдадите материал. В общем, на работе все более или менее понятно — другое дело халтуры. Те изумительные моменты, когда сценарий необходимо утвердить у бывшего героя криминальной хроники, мэра небольшого городка или директора молочного завода. Как правило, это одни и те же люди. Здесь стоит отметить, что чувство юмора у этих парней чрезвычайно специфическое. Порой обсуждение текста с этими персонажами превращается в сизифов труд, но и с ними, в общем-то, можно договориться. Самая сложная категория граждан — вновь вылупившиеся певички. Соски, которые вдруг почувствовали собственную значимость. «А почему у Вани здесь три шутки, а у меня ни одной? Все подумают, что я не умею шутить».

— И как вы выкручиваетесь из этой ситуации?

— Вспоминаю и переделываю какую-нибудь шутку, которую давным-давно написал Флюгер.

Все эти дни я пью. Много. Водку и бутират. Я никуда не хожу — никто не приходит ко мне. Рядом со мной только маленький жираф — единственная вещь, которую я увез из дома, переезжая в Москву.

Я смотрю в потолок. К потолку прилипают воспоминания. Воспоминания смешиваются со снами и галлюцинациями. Я вижу дом, сосны и дорогу в школу. Передо мной пляж, туристы и мороженое, которое нужно было выдавливать из пакетов. По потолку разливается море — море, что зимой, порой, покрывается тонкой коркой льда. К потолку прилипает потолок моего детства. Благодаря моему люби-

мому, мать его, автору, я вновь и вновь оказываюсь в комнате, в которую пытается пробраться страх. Он пробует залезть через окно, ковыряет дверной замок, вскрывает половицы. Только его план проваливается, потому что я много пью. Кажется, я выпил уже целый океан.

Время от времени меня рвет. Я вытираю губы и делаю новый глоток. От теплой водки кривится лицо. Кружится голова. Чтобы помочь вестибулярному аппарату, я все время дотрагиваюсь до жирафа. Кажется, организм даже благодарен мне за это. Во всяком случае, я понимаю, где потолок, а где я.

— Ты, наверное, думаешь, что я расстроен?

Жираф не отвечает. Жираф смотрит в одну точку. Жираф смотрит куда-то далеко. Жирафы всегда смотрят далеко. Я прижимаюсь подбородком к столу и поворачиваю фигурку мордой к себе. Теперь ему придется послушать меня.

— Все-таки не совсем точно тут все описано, да? Автор немного перегибает, согласишься? Впрочем, это и понятно — он ведь хочет передать жутчайшую атмосферу моего дома, а по мне — так нормальный у меня был дом. Не лучше, но и не хуже, чем у других. Автор просто не знает всего. Он вот ничего не пишет о том, как папа любил мою маму. Помнишь тот вечер, когда я сидел на веранде и держал тебя в руке? Помнишь, я сидел на подоконнике, а папа плакал за столом. Кажется, мне было двенадцать или что-то около того. Мама, как обычно, пошла выпивать к друзьям и не вернулась. Она не вернулась ни вечером, ни ночью, ни даже утром. Я смотрел в окно, а папа все обзванивал знакомых.

Фигурка жирафа продолжает молчать, и я вспоминаю, как мой отец набирал какой-то там номер и не стеснялся сказать,

что его жена ушла, что ушла и ничего не сказала, что его жена пропала и не звонит. Папа рассказывал знакомым и не очень людям, что уже почти сутки не может найти супругу. Я сидел на крыльце и слушал, как папа обзванивал больницы и морги. В тот день я впервые услышал, как спрашивают про пропавших людей. Поступала? Не поступала. Поступала такая-то. Приметы такие-то. Нет, по приметам на нашу маму не похожа, наша мама молодая и красивая. Я помню, что папа сидел перед телефоном и все повторял: «Маша, Маша, Маша, Машечка, пожалуйста, вернись». Папа повторял это утром, днем, вечером, ночью и вновь утром, когда рассвело. Я сидел на веранде, закутавшись в плед, и смотрел на дорогу. Я все ждал, что мама вот-вот появится и я обрадую отца. Он плакал, и мне очень хотелось успокоить его, но мама не шла. Два дня. Она пила у каких-то друзей. В Риге. Папа, конечно, звонил и им. За эти дни он набрал их номер как минимум трижды, но всякий раз трубку снимали не взрослые, а их пятилетняя дочь. Папа спрашивал, есть ли у них тетя Маша, и девочка отвечала, что нет, что тети Маши нет. Девочка не врала. Она знала, что у них в гостях тетя Мария, а вот про тетю Машу она не слышала ничего. Мама вернулась через два дня. Под утро. Пьяная. Сказала, что думала, что мы знаем, где она. Сказала, что забыла перезвонить. Я ожидал, что папа изобьет ее, но папа не стал. Отец вновь разрыдался и обнял ее. И поцеловал. Мама ничего не поняла. Она все повторяла, что ей нужно поскорее в душ, а папа все целовал ее и повторял: «Маша, Маша, Маша, Машенька».

Жирав по-прежнему не отвечает. Жирав молчит и продолжает смотреть на мой телефон. И я понимаю, что обновился блог.

ЗАМЫСЕЛ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. МЫ

Сидели за столом. Человек девять. Играли в покер. Вход — тысяча, докупаться можно сколько угодно.

Жара не спадала. Смог размазывал по ночи свет фонарей. Мы чувствовали жарь. Кто-то тяжело дышал, кто-то вытирал шею платком. Без перекуров работал кондиционер. Даже в полночь, под храп луны, воздух не остывал. Каждый час мы объявляли музыкальную паузу. Мы пили воду, заваривали кофе, нюхали кокаин. Я заходил в свой кабинет, вытаскивал из стола пластиковую бутылку. Я делал глоток. Мне было хорошо.

Мне везло. Карта шла. Гёба напился и играл вслепую. Я и не думал его жалеть. Перед каждой новой сдачей он вновь докупался и тотчас отдавал мне свои фишки. Я был единственным, кто постоянно «переезжал» его. Я понимал, что Гёба пьян, но жалости к нему не испытывал. Детей среди нас не было. Никто не заставлял его играть. Ему постоянно говорили: «Гёба, остановись!», но он продолжал. И я был рад. Мой банк рос.

Беспользый угощал привезенным из Еревана коньяком, Туловище ставил музыку. Мне она не нравилась, но я ничего не говорил. Так было всегда. Я привык. Кажется, я даже любил эти пятницы.

Когда вошла Лидия, я не заметил ее. Я сидел спиной к двери. Парни поздоровались. Я подумал, что к кому-то приехала девушка. Я знал, что незнакомка все равно подойдет к столу. Оказалось — приехали ко мне.

Последний раз мы виделись в Юрмале. Тысячу лет назад. Она осталась. Я уехал. Навещая родителей, я избегал ее. Я так и не смог простить ей собственной подлости и трусости. Я так и не смог простить ей того, что она натворила с собой.

В ТАСС вошла другая Лидия. Она была стройна, изящна, совершенна и недоступна. От таких женщин сходили с ума. По-настоящему. Я заметил, что у парней, у всех без исключения, перехватило дыхание. Только не у меня.

Меня удивило только, что Лидия вновь хороша. В моих воспоминаниях она оставалась полной, разрушившей границы собственного идеального лица, женщиной. Теперь же я наблюдал отреставрированную красоту. Вот и славно, подумал я. Мое сокровище восстановлено. Моя личная Прибалтика, моя собственная янтарная комната — сегодня ночью мне даже не придется никого цеплять.

Я взял стул и усадил Лидию рядом. Лидия поздоровались с парнями. Ребята тотчас потеряли всякое самообладание и принялись шутить. Как всегда, когда видели красотку. Я заметил, что у Фантика на руках были разномастные туз-король. «Попался», — подумал я.

Я налил Лидии коньяку. Она улыбнулась, сказала, что не хочет, но после всеобщего улюлюканья выпила. Я налил еще. Лидия вновь выпила и вцепилась в лимон. Парни переглянулись. Полетели юморески. Со всех сторон. Как стрелы. Как ласточки. Лидия рассмеялась.

Мы продолжали играть. Лидия отвечала на вопросы. Я слышал ее акцент. Во мне пробуждалось чудовище. Теперь мне хотелось увидеть ее тело, рассмотреть грудь. Я не верил, что ее спина и живот могут быть так же прекрасны, как собранное из лепестков прошлого лицо.

Я опустил руку под стол. Отыскал ладонь Лидии и сжал ее. Лидия не одернула руки. Наши пальцы сплелись. Я понял, что она по-прежнему любит. Я понял, что ночь решена. Перед этим придется немного поговорить, думал я, но это не так уж и страш-

но. У всего есть себестоимость. Джек-пот. Добыча сама приползла ко мне.

Так ни разу в жизни не испытал того, что люди называли странным словом «любовь», в тот вечер в ТАССе я пребывал в одном из немногих состояний, которые еще будоражили меня. Я получал вызов, я принимал пари.

Больше всего меня интересовало, как скоро я смогу затащить Лидию в постель. Придется ли нам гулять по городу или она сразу согласится поехать ко мне? Я гадал, встанет ли она передо мной на колени и будет ли, как раньше, целовать мои руки?! Я был взволнован от мысли, что Лидия, по какой-то неведомой мне причине, может отказать. То, что ее рука была в моей руке, еще ничего не значило. Возможно, она сдавала Москву, чтобы победить при Бородино. Быть может, она хотела отомстить мне. Тогда, сидя за столом в ТАССе, я еще ничего не понимал, и это, несомненно, возбуждало меня. В отношениях с женщинами меня всегда завораживало лишь время, которое я тратил на то, чтобы овладеть ими. После того как высота была взята, я терял к объекту страсти всякий интерес. Я никогда не разрешал женщинам оставаться у себя до утра. Я всегда спал один, и не было для меня состояния более мучительного, чем делить с кем-то свою постель. Теперь, спустя столько лет, я испытывал к Лидии такой же спортивный интерес, как и к любым другим женщинам. Рядом со мной сидела красотка. Не более того. Плевал я на то, что когда-то что-то из-за нее испытал. Даже страх, который однажды заставил меня покинуть родной город, не возвращался. Возвращалась Лидия. Лидия, даже лучше и желаннее той, которую мечтала отыметь вся школа. Она сидела рядом, и я вспоминал, где ближайшая круглосуточная аптека. Парни продавали ей байки, и она покупала их. Она улыбалась, и они знали, что,

если человек в зале реагирует на шутку, — нужно лупить в него. И они лупили, и глаза Лидии слезились от смеха. И я молчал — за столом и без меня хватало клоунов. Мне не нужно было ни с кем соревноваться. Каре с флопа. Восемь шутов на одного короля. Парни спрашивали, что она во мне нашла, и Лидия отвечала, что всего-навсего друзья. «Да вы что?!» Ребята продолжали шутить, но теперь все больше надо мной.

Я видел, что все постепенно возвращались к игре, и только Гёба не мог оторвать от нее глаз. Подобно тому как Печорин впервые смотрел на Бэлу, он смотрел на Лидию. Кажется, никогда раньше этот кретин не видел женщины такого порядка. Он пил, смотрел на нее и каждую сдачу сбрасывал карты, даже пары с картинками. Он хотел произвести на нее впечатление, но не знал, как.

Около трех стали расходиться. Я выиграл больше всех. Лидия держала меня за руку. Ее голова лежала на моем плече. Мы решили заехать в клуб. Кто-то поехал с нами. Точно поехал Гёба.

Били басы. Танцевали и веселились девочки. Такие красивые. Одна лучше другой. Нежные, юные, сияющие от молодости. Как в кино. Закладывало уши. Будто я был в поезде, в самолете, на палубе корабля, волновался пол. Я чувствовал ритм. Лидия держала меня за руку. Лидия улыбалась. Улыбался Гёба. Я чувствовал себя юным. Все мы пели одну песню: «Because we are your friends — You'll never be alone again! Ooh come on!» Мы кричали. Мы хлопали в ладоши. Удар сердца — хлопок. Удар сердца — хлопок. Я улыбался.

В шесть утра мы вернулись в ТАСС. Не помню зачем. Кажется, Гёба, который все это время оставался с нами, что-то забыл и попросил подкинуть его в редакцию. В моем кабинете стояли

диван и стол. Я сказал, что хочу показать ей свое рабочее место. Она все поняла. Едва я открыл кабинет — Лидия поцеловала меня. Впервые за столько лет. Поцеловала так, будто мы не расставались вовсе. Я почувствовал ее язык. Лидия прижалась ко мне. «Как же хорошо». Меня не очень-то интересовала нежность — хотелось поскорее кончить. Лидия продолжала целовать меня: виски, мочки ушей, шея. «Славно» — думал я. Мне нравилось. Лидия немного смущалась, но не останавливалась. Я подтолкнул ее к окну. Лидия уперлась локтями в подоконник. Редкие прохожие Большой Никитской могли видеть безумно красивую женщину, прижатую к стеклу. Я был сзади. Лидия спросила, есть ли у меня презервативы, и я ответил, что нет, но зачем? Меня поразило то, насколько влажной она была...

Я точно теперь не вспомню, но, кажется, минуты через полторы вошел Гёба. Я совсем забыл про него. Он замер. Лидия не заметила. Я улыбнулся. Гёба хотел забрать вещи и на носочках пошел к своему столу. Я не остановился и подмигнул. Он взял документы и показал мне большой палец. Я понял, что он не прочь поучаствовать. Я кивнул. Он раздумывал не больше мгновения. Алкоголь сделал свое дело. Гёба был слишком пьян, чтобы отказаться от такого шанса. Мой друг положил документы на стол, расстегнул ширинку и подошел к нам. Лидия посмотрела на меня. Я сказал ей, что все будет хорошо. Она смущенно улыбнулась, развернулась и поцеловала его крайнюю плоть. И еще раз. И еще.

Текст вновь пропадает. Входящий звонок. Незнакомец, который звонил несколько дней назад, не дожидаясь моего приветствия, начинает тараторить: «Значит так, слушай

меня, сученок! Твой отец влип! Понял?! Влип крупно! Он должен мне. Много! Слышишь?! Я сейчас в сообщении напишу тебе сумму, понял? Если не передашь деньги в течение недели — я тебе его по частям перешлю, понял?!»

Я-то понимаю, только все это меня сейчас ни разу не интересует. Мне не до того. Закрыв руками лицо, я пытаюсь сосредоточиться. Гёба, Гёба, Гёбочка, неужели это все-таки ты?

Все верно, думаю я — Гёба уволился в конце 2010-го. Как раз закончилась жара. В который раз я отправляюсь в путешествие по кабинетам ТАССа. Дальняя комната: три стола, три компьютера, барабанная установка. На стенах футбольные майки и раскадровки программы. Капитан, Фантик, Беспольный. Нет, никто из них не мог этого написать. Парни целыми днями давили жуков в своих компьютерах, отстраивали новые цивилизации. Дальше — большая комната. Здесь мы иногда играли в футбол и гольф. Здесь стояла беговая дорожка и длинный стол для переговоров, который мы очень быстро превратили в место покерных баталий. Здесь трудились Славка, Ися и Туловище — они тоже нет, они не могли. Дальше предбанник. Здесь работали Лена и Флюгер. Лена? Лена многое знает, но могла ли она написать книгу? Откуда у матери-одиночки время? Флюгер? Флюгер много общается с Леной, вероятно, исключительно из-за своего географического положения в ТАССе, он знает о нашей семье немногим больше других, но Флюгер тоже не стал бы. Флюгер не делает ничего бесплатно. Остается мой кабинет. Стол. Компьютер. Молодежь справа, Будда слева и... твою же мать — раньше против меня сидел Гёба!

— Знаешь, Саня, — вечно начинал он, — у меня есть одна проблема.

— Разберись с ней как-нибудь сам, хорошо?

— Ты что, даже не хочешь узнать, что за она?

— Нет. Я хочу сочинить шутку про Данию и свалить отсюда.

— Но я все равно тебе расскажу! В моей голове кружатся тысячи идей!

— Представь себе, ты не одинок.

— Да, но проблема не в этом. Проблема в том, что я не могу довести их до конца.

— Мать моя, какое несчастье!

— Каждое утро я придумываю великолепную историю, но уже в конце рабочего дня отказываюсь от нее. Понимаешь?

— Ты бы шутки так придумывал.

— Шутки — это все пустое! Это для вас они важны. Вам каждый день важно оставаться смешными, перешучивать друг друга. Вы каждую секунду меряетесь членами, доказывая друг другу, кто из вас самый крутой автор. Вам кажется, что автор состоялся, только когда он выиграл сезон. Вы с этим своим клубом веселых и находчивых думаете, что в жизни вообще больше ничего нет. Вы фанатики. Вам важно только шутить, шутить, шутить! Вы же несчастные люди! Посмотри на себя! Что у тебя в жизни есть, кроме шуток? Ничего. А доставляют они тебе удовольствие? Нет. Ты шутишь не ради того, чтобы посмешить кого-то, но ради того, чтобы доказать Капитану и Туловищу, что все еще находишься в сумасшедшей форме. Я больше не хочу шутить. Я хочу уйти.

— И что же ты будешь делать, когда уйдешь?

— Да что угодно! У меня куча замыслов!

— Что же ты раньше о них не рассказывал?

— А смысл? Никто из вас все равно не поймет. Вы здесь все очень ограниченные. Вы умеете только шутить, да и то лишь в одном направлении.

— Ты будешь разгонять шутку про Данию?

— Нет! Знаешь, эта война продолжается вот уже несколько лет. Еще со времен университета. Я выгоняю замыслы, но они возвращаются ко мне, зову их, но они не приходят.

— Гёба, послушай, мне все это абсолютно неинтересно.

— А что тебе вообще интересно? Дырки? Бутират?

— Это не твое дело, но раз уж зашел разговор... если выбирать между шлюхами, наркотой и чушью, которую ты не-сешь, — любой бы на моем месте выбрал два первых варианта.

— Я знаю, что ты на самом деле так не думаешь. Ты просто человек такой... поперечный. Я знаю, что тебе на самом деле и самому хотелось бы писать.

— Ни в коем случае.

— Неужели ты и правда всю жизнь собираешься делать шутки?

— Почему бы и нет? Я больше ничего не умею. И в отличие от тебя я умею хотя бы это. К тому же не думаю, что буду заниматься этим всю жизнь. Пройдет какое-то время, и я пойду на повышение, заменю Нино — шеф меня любит. Я буду просто сидеть и отбирать материал. Шутить будут молодые.

— И ты будешь счастлив?

— Слушай, я буду счастлив, если мы сочиним шутку про эту долбаную, мать ее, Данию!

— Знаешь, я иногда думаю, что хотел бы написать роман. Нет, ну а чего ты улыбаешься? Я серьезно! Я хотел бы написать роман интеллектуальный, но не слишком. Скажем так: Ортега-и-Гассет вполне мог бы читать эту книгу на пляже. Я легко могу представить себе, как он посвящает моей книге несколько драгоценных часов. Во всяком случае, он мог бы сделать это из элементарной любезности, ведь и я когда-то читал его.

— Боюсь, есть одна проблема — ему черви глаза проели.

— Ничего себе! Я думал, ты даже не знаешь, кто это!

— Представь себе — я даже «Восстание масс» читал.

— И как тебе?

— Мультик интереснее.

— Ты все шутишь, ты даже в гробу, наверное, будешь шутить!

— Если представится такая возможность.

— Как ты думаешь, что нужно сделать, чтобы написать роман, который убедит абсолютно всех критиков?

— Попробуй сделать так, чтобы действие протекало в Дублине в течение двадцати четырех часов. Даже не знаю, что тебе еще посоветовать.

— А я для себя вывел вот какую формулу: мне кажется, что современный писатель должен походить на профессионального футболиста. Он должен обладать блестящей техникой (письма), выносливостью и видением поля. Ему надлежит легко и интересно читаться (что-то вроде оголтелого английского чемпионата) и хорошо продаваться (что-то вроде Лиги чемпионов). Уже с первых страниц читатель должен увидеть быстрый гол (завязка) и еще хорошо бы, чтобы судья принял какое-нибудь несправедливое решение,

чтобы читатель был не согласен с ним, читатель должен сопереживать команде, сопереживать игроку. Чтобы достичь успеха, книга обязана затрагивать вечные проблемы — любовь и смерть. При этом ей следует оставаться актуальной. В этом случае не обойтись без мобильных телефонов, компьютеров, блогов, бижутерии и любви. Вероятно, мой текст должен обладать некоторыми присущими только ему качествами.

— Или свойствами?

— Не перебивай! Я думаю, что хорошо бы написать роман без буквы «й». Ну, или задействовать нескольких известных современников. Вообще, чем больше знаменитостей заселят страницы моей книги, тем выше шанс, что издатель примет ее — разве нет?

— Непременно! Ты придумал шутку про Данию?

— Нет, повтори новость.

— К берегам Дании прибило стокилограммовую партию кокаина...

— Эта партия настолько понравилась жителям Дании, что уже на следующий день выиграла выборы в местный парламент — так пойдет?

— Пойдет.

«Ну сейчас я тебе напишу финал, сука!» Я одеваюсь, беру шило и выхожу из дома. Мне плохо, но свежий воздух немного отрезвляет меня. Я понимаю, что если в самое ближайшее время не узнаю имя автора — эта книга убьет меня. Уже через полчаса Гёба открывает мне дверь.

— Привет, — говорю я.

— Здорово! Ты что здесь делаешь?

— Впустишь-то?

- Я вообще-то не один, но...
- Я ненадолго. Выпить есть?
- Тебе, может, уже хватит?
- Выпить, говорю, есть?
- Только водка.
- Холодная?
- Ледяная.
- Сколько?
- Две бутылки.
- Можно разговаривать.

Мы садимся в кухне. Все чисто, убрано, в тарелке свежие фрукты. Чувствуется женская рука. Я смотрю на закрытую в спальню дверь.

- Кто она?
- Не важно.
- С каких это пор у тебя такая чистота?
- Да вот, стараюсь, чтобы микробов не было.
- Ничего себе. Сам прибираешься?
- Да нет, конечно, — женщина приходит.
- Ее и трахашь?
- Не носи чушь!

Я смотрю на закрытую дверь. Гёба наливает. Мы выпиваем. Правой ладонью я прикрываю губы. Ставлю рюмку на стол.левой Гёба наливает еще. Мы выпиваем. Вновь. Я вытаскиваю шило и кладу на стол.

- Узнаешь?
- Да, я видел его у тебя дома.
- Ты рылся в моей квартире?
- Нет, когда заходил — оно всегда лежало у тебя на столе, рядом с книгами.

— Налей.

— Ты бы хоть закусывал...

— У тебя, кретина, забыл спросить.

Я прикусываю палец. Пытаюсь оторвать заусенец. Смотрю на дверь. Гёба смотрит на меня. Мы выпиваем. Я вытираю губы:

— Гёба, а чем ты сейчас вообще занимаешься?

— Что ты имеешь в виду?

— Да вообще, по жизни?

— В каком это смысле? Тем же, чем и всегда. Фильм вот с тобой собираюсь снимать.

— Ты же мечтал написать роман...

— А, так ты поэтому приехал?

— А почему еще я должен был приехать?

— Ты все-таки думаешь, что это я веду блог?

— Ты читал последний пост?

— Нет, а что там?

— Что там? Там описано, как мы с тобой вдвоем пялили Лидию!

— Не кричи так!

— Ах простите, — издеваясь над Гёбой, я начинаю говорить шепотом — там описано, как мы с тобой, дорогой друг, оттрахали в отделе спецпроектов «Первого канала» мою первую любовь.

— Я понял! Можно не повторять.

— Где твой компьютер?

— Зачем тебе он?

— Где твой, говорю, сука, компьютер?

— Я тебя спрашиваю: зачем он тебе?

— Ссышь, да?! Ссышь, что я найду в твоей почте главы?

— Саня, да какие главы?

— Которые ты выкладываешь, гондон!

— Да у меня Интернет не работает уже дней пять!

Интернет не работает пять дней...

Я толкаю Гёбу, прохожу кухню и открываю дверь. На стуле, прикрыв лицо руками, сидит заплаканная Лена. На кровати, под крохотным одеялом, спит моя дочь.

«Мудак», — говорю я. Лена всхлипывает, Гёба молчит. Дочь спит, я забираю шило и ухожу.

Лифт стоит. Стою я. Я смотрю на лифт. На лестничную площадку выходит Гёба.

— Я тебе завтра позвоню, хорошо? — говорит Гёба.

— Позвони, — отвечаю я.

ДОПОЛНЕНИЕ К ПЕРВОМУ ЗАМЫСЛУ. Я

Рано, рано меня поздравлять. Долгий был день. Во второй половине, как вы уже знаете, мама отправилась в магазин за картошкой, надорвалась и... и начались схватки, отошли воды, случились тяжелые роды. Дело в том, что пуповина обмоталась вокруг моей шеи несколько раз. Нет, я и раньше об этом знал, но врачи-то не знали. Натяжение, к сожалению, оказалось тугим. Это все осложнило. С кислородом случилась беда. После рождения я не кричу, не похрипываю даже. В палате тишина, мама все понимает. Мама плачет. Медсестра гладит маму по голове и постоянно повторяет: «Тихо-тихо, тихо-тихо, тихо-тихо». Врачи пытаются спасти меня. Я не дышу.

Ничего не хочу говорить, но, мне кажется, главный хирург мог бы выбрать другую тактику ведения родов. Слишком уж много

надежд он на меня возложил. Нет, конечно, часть вины лежит и на мне: дело в том, что я, как мог, пытался сам разрешить эту ситуацию — многие малыши распутываются, я тоже попробовал, но в итоге запутался еще сильнее и начал появляться на свет ножками вперед. Вытягивая меня, врач, вероятно, не понимал, что от каждого движения эта веревка жизни еще сильнее сдавливает мою шею. Впрочем, может, и понимал. Наверняка я у него не первый такой клиент. Так или иначе, пока они «работают» со мной, я думаю, что, может, в этом во всем есть какой-то знак? Может, раз все так запутанно, мне и не стоит появляться на свет?

Я гуляю по Москве. Ночь, бульвары, фонари — все дела. Я думаю о Гёбе, о Лене и Лидии. Я думаю о парне из поликлиники, который целыми днями копается в дерьме и, соответственно, о моем отце. Я думаю о маме и людях, с которыми мне однажды посчастливилось познакомиться. Я думаю о ребятах из отдела, покере и окне, из которого вечно виднелась церковь, в которой однажды венчался Пушкин. Я стою возле нее, я смотрю на ТАСС. Серое бетонное здание. Поразительно, думаю я, чего только не найдешь в чреве этого информационного монстра, здесь обитают даже шутники. Я ухожу.

Я иду дальше. Я захожу в «Жан-Жак».

Я пью. Я вспоминаю, как в нашу квартиру приезжал дядя, и как оставался обедать, и как часто оставался ночевать. Я вспоминаю, как дядя, вместо отца, помогал мне с уроками, вспоминаю, как он приходил к нам, и как я ненавидел его, и как мой отец, как отец, которого я обожал, несмотря

ни на что, делал вид, что не замечает всего, что происходит. Я смотрел на папу, который садился на веранде за круглым обеденным столом, открывал бутылку и начинал пить, как сейчас я. Один. Один против стола. Я вспоминаю, как смотрел на отца и из двора слышались голоса. Мама и дядя долго о чем-то разговаривали, и после дядя возвращался в дом, забирал у папы стакан и допивал его вино. И я помню, как отец опускал голову и смотрел в стол, и дядя смотрел на моего отца. И молча они сидели так ночами и не говорили друг с другом. Никогда. И я ложился спать и слышал, как на кухне молчат мой отец и мой дядя, и я не мог заснуть, потому что в такие моменты мечтал только о том, чтобы у нас вдруг собрались гости, чтобы стало вдруг шумно и весело, и чтобы все кричали и пели, и чтобы папе моему, папе моему любимому только не было тихо.

И я сижу в красном кафе. И я пью. И я смотрю на людей, которые окружают меня. И они веселятся. И я никого не люблю.

В шесть утра приходит уведомление о новом письме. Пишет папа. Отец сообщает, что случайно поскользнулся и сломал обе ноги. Папа рассказывает, что случилась беда, но при этом, парадоксально, не просит денег. «Значит, все правда», — думаю я.

Я выключаю телефон и решаю, что заеду на 1905 года, соберу деньги и поеду домой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Уехать в Юрмалу сегодня же не удастся. Какие-то чудесные ребята встречают меня возле подъезда. Бедолаги, судя по всему, они ждали меня всю ночь. Предварительно поинтересовавшись, я ли Саша Филипенко, парни избивают меня. Ранним утром, под сенью камер, на глазах консьержа. Один из них хватает меня за волосы и бьет головой о домофон. Остальное я помню смутно.

В машине скорой помощи пахнет дерьмом. Рядом со мной трясется молоденькая медсестра. Ей нет дела до меня. Девушка занята своим телефоном.

— Что вы читаете? — хриплю я.

— Один блог.

— Что пишут?

— Один сценарист описывает свою работу и жизнь...

— Что думаете про главного героя?

— В каком смысле?

— Ну знаете, как в школе спрашивают: какой он персонаж? Характеристика главного героя в романе Саши Филипенко «Замыслы».

— Я думаю, что он несчастный человек.

— Несчастный?

— Несчастный.

— Почему?

— Не знаю почему. Потому что разрушает все вокруг себя. Потому что портит всем жизнь. Потому что не любит никого, кроме себя. Потому что эгоист. Потому что думает, что ему все всё должны, думает, что он самый умный, а вокруг него одни идиоты. Потому что хам. Потому что самовлюбленный павлин.

— Довольно развернутая характеристика. И почему же он стал таким?

— Потому что его родители занимались только собой. Это генетическое. В этом, похоже, даже нет его вины. Он, судя по всему, копия своих предков. Они просто не научили его любить, вот и все.

— Разве этому можно научить?

— Любви?

— Ну да... Любви, заботе...

— Конечно, можно!

— Как?

— Собственным примером. В любви нет ничего редкого. Любовь испытывает каждый человек на земле — любовь нормальна и физиологична, в любви нет никакого волшебства, с ней просто нужно уметь обращаться. Вы заметили, что автор несколько раз говорит о своей дочери, но ни разу не называет ее имя? Я вот заметила. Не думаю, что это случайность. Я думаю, что это специально сделано.

— Для чего же?

— Чтобы мы поняли, что главному герою совершенно наплевать на дочь.

— Это не так. И ее зовут Маша, он назвал ее в честь собственной мамы.

— Откуда вы знаете?

— Прочел чуть больше, чем автор.

Я затыкаюсь. Мне тяжело говорить. Болит челюсть. Я закрываю глаза. Машина трясется, сирена воеет. Кажется, в салоне еще сильнее пахнет блевотиной и дерьмом. «Разрушает все вокруг себя». Тут она права. Для того чтобы испортить жизнь большому количеству людей, вовсе не обязательно быть диктатором или маньяком. Даже Богом для этого быть необязательно. Достаточно родиться в Риге, уехать в Москву и стать сценаристом.

Я засыпаю. Вся эта история слишком быстро укачивает меня. Мне снится, что я попадаю в рай. Ко мне выходит какой-то мужик. Опрятный. Он похож на всех Иисусов сразу, и я понимаю, что он — Бог. Чтобы подтвердить это, он говорит, что я не ошибся, что он, да — он Бог. И он становится передо мной на колени, и он склоняет голову. И кругом все бело и ярко, как бывает в салоне самолета над облаками. И Бог говорит мне, что хочет попросить прощения. За что? — спрашиваю я. За все, как в стихотворении девочки, которая пишет как Бродский, отвечает Бог. И он начинает развязывать мне шнурки и стягивать кроссовки. И Бог извиняется, и говорит, что я во всем прав и что он действительно мудака. И он просит прощения и совета и интересуется, могу ли я стать его другом. И мне кажется, что Бог чем-то походит на моего дядю, во всяком случае, руки его точь-в-точь руки моего дяди, и лицо, лицо тоже походит на лицо моего дяди, только я никогда не думал, что мой дядя — Бог. И Бог что-то говорит, и плачет, плачет много и почти весь

сон. И Бог плачет, и говорит, что ему всегда нравились такие кроссовки, как у меня.

— И что ты теперь собираешься делать? — спрашиваю я.

— Не знаю, — говорит Бог.

— Может, тебе умереть?

— Я пробовал, — сожалеет Бог.

— Выходит, у тебя больше нет ни одного замысла?

— Ни одного, — отвечает Бог.

Утром, продрав глаза, я вижу Лену. Она не улыбается. Судя по всему, она не хотела приходить сюда.

— Я уезжаю в Юрмалу, — зачем-то говорю я.

— Ты до туалета дойди сначала, писатель.

— Я хочу, чтобы вы с Машей поехали со мной. Я тебя прощаю.

— Ах ты меня прощаешь?

— Да. Давайте через несколько дней, когда я поправлюсь.

— Зачем?

— Попробуем все заново. Начнем другую жизнь. Я подумал, что хочу уехать с вами.

— Ты подумал, что хочешь уехать с нами? А о том, что в твоей сраной машине, в которой ты своих шлюх возишь, нет даже детского кресла, ты подумал? А о том, что ребенку необходимо питаться пять раз в день, ты подумал? Ты собрался в дорогу? Ты купил все, что нужно? Или ты только подумал о том, что хочешь под печальную музыку вернуться домой, а все остальное, как всегда, сделает Лена? Ты подумал, что любишь нас? А что такое твоя любовь? Ты знаешь

о том, где в Юрмале продается безмолочная каша? Ты хоть знаешь, что твоей дочери можно только безмолочную кашу? Об этом ты подумал? Ты подумал о количестве вещей, которые необходимы ребенку?! Ты вообще понимаешь, как мы живем? Куда ты мне предлагаешь ехать? В дом твоих родителей?! Ты хочешь, чтобы я жила у людей, которые последний раз, когда гостили у нас, просыпались не раньше двух часов дня и ни разу не помогли мне с годовалым ребенком?! У них ты мне предлагаешь жить? Кто мне будет помогать с Машей? Ты хоть раз в жизни думал о другом человеке? Тебе хочется начать все сначала? Так начинай — я-то здесь при чем? Заведи себе собаку, или очередного кота, я не помню, есть ли у тебя кот или нет — давно не была в твоём гадюшнике!

— Нет кота, — хриплю я в стену.

— Что? Я не расслышала.

— Сбежал, говорю, кот.

— Никуда я не поеду с тобой! Возвращайся один! Сделай хоть раз в жизни что-нибудь правильно. Исчезни, Саша! Прошу тебя, пропади! Перестань нас изводить! Ты думаешь, ребенку хорошо оттого, что отец появляется раз в месяц? Ты думаешь, Маша помнит тебя? Понимает, кто ты? Ты захотел вдруг стать хорошим? Хочешь жить вместе с женой и дочерью? Наверное, и к девкам перестанешь бегать? Завяжешь со всем, да? Ты хоть понимаешь, как живут мужчины, которые помогают своим женам? Ты хоть понимаешь, в каком ритме находятся настоящие отцы? Что ты сделал за последнее время для нас? Я тебя спрашиваю — что ты сделал для нас?!

— Ты поедешь со мной?

— Ты глухой? Я же сказала: нет! Нет! Нет! Ты меня слышишь? Нет, я не поеду с тобой!

— Почему?

— Потому что все кончено, Саша! Давно все кончено! Ты все пытаешься написать книгу, которую за тебя уже давно написали. Я беременна. У нас будет сын.

Сын. «Сын — это славно», — думаю я. Я все смотрю в стену, и Лена, кажется, садится на другой стул, рядом с дверью. «Гёба отец?» — спрашиваю я. «Гёба», — отвечает Лена. «Гёба — это хорошо», — думаю я. Дружище. Старина. Парень, который может подогнать лучшую наркоту в городе. Друг, который вечно мечтал занять мое место. Вот и откропалил себе кусочек. Ну что же... так даже хорошо. Гёба — это неплохо. Во всяком случае, лучше, чем Флюгер или Туловище. Гёба — это действительно хорошо, Гёба заботливый.

— А ты у него с солью сосешь или без?

Лена больше не приходит. Приходят сообщения. От человека, который обещает убить моего отца. Я отвечаю, что деньги привезу. Прошу подождать три дня. Меня тошнит, болит голова. По-прежнему называют работодатели. Предлагают хорошие деньги, плохие программы. Приходят весточки и от моего психоаналитика. Док будто бы волнуется, интересуется моим здоровьем, настаивает на встрече. Говорит, ждать больше нельзя. «Саша, приезжайте обязательно! Нам есть о чем поговорить!». «Мне сейчас точно не до вас», — отвечаю я. И в самом деле, меньше всего я хочу отвечать. Меня и близко не радует перспектива очередного сеанса.

— Рассказывайте, — скажет он.

— А вы? — спрошу я.

— А я здесь только для того, чтобы прорезался ваш голос. По сути, в этом и есть смысл наших встреч. Я буду слушать вас.

— Я разучился смеяться, док. Разучился радоваться жизни. Я потерял навык удивляться, хотя, кажется, когда-то умел. Я не умею любить, док...

— Давайте сразу договоримся — не называйте меня «док». Я вам не док — доки в порту, психологией занимаются.

— Хорошо, док.

Следующим утром приезжает Гёба. Он помогает мне выписаться из больницы и подвозит домой. Мы сидим в его машине. Гёба зачем-то (я искренне не понимаю зачем) начинает извиняться:

— Ты прости меня, старик, что так получилось.

— Да забей ты. С тобой им будет лучше.

— Я буду очень стараться.

— Вот и славно, старайся. Давно это у вас?

— Давно. Я ведь даже из отдела поэтому ушел. Не мог смотреть тебе в глаза, а поговорить все не решался.

— Ну и дебил.

— Дебил, да. Что ты теперь собираешься делать?

— Нужно съездить в Юрмалу, уладить одно дело.

— Когда ты едешь?

— Сейчас.

— Тебе бы подождать несколько дней. У тебя еще голова кружится. Мало ли — случится что-то за рулем.

— Не могу ждать — надо сейчас.

— Не забывай там про сценарий, хорошо?

— Хорошо.

Я поднимаюсь домой. Иду в душ. Пока сохнет голова, я гуляю по кухне и пью кофе. На подоконнике лежит сборник Тимура Кибирова. Я открываю его. Кибиров пишет:

Нет мочи подражать Творцу
Здесь на сырой земле.
Как страшно первому лицу
В единственном числе.

И нет почти на мне лица
Последней буквы страх.
Как трудно начинать с конца
Лепить нелепый прах.

Тварь притворяется Творцом,
Материя — Отцом.

Аз есмь, но знаю — дело швах
Перед твоим Лицом.

Я ставлю чашку на подоконник. Прохожу в спальню, выгребаю из шкафа всю наличность. Перекладываю шило в другие джинсы. Собираю сумку и выхожу вон. Я решаю попрощаться с Машей. Доезжаю до Лены. Дверь открывает теща. Теща говорит, что никого нет.

— К Гёбе уехали?

— К нему. Он, в отличие от тебя, хоть зарабатывает!

— Что правда — то правда! Я даже знаю, как. Ну да ладно. Спасибо вам, берегите Машу, не хворайте, дорогуша!

— Да пошел ты! Хотя стой! Есть разговор. Я всегда хотела у тебя спросить: а правда, что Киркоров гей?

— Правда, Алла Николаевна, мы с Леной потому и разошлись.

Только что купленный навигатор оказывается женщиной. Я покорно следую ее указаниям. Звенигородское шоссе, проспект Маршала Жукова. Съезды, знаки, повороты, развилки. Я почти выезжаю из города, когда вспоминаю, что забыл сделать одно важное дело.

На этот раз я нахожу кабинет довольно быстро. Стучу. К моей радости — открывает тот же парень.

— Добрый день, вы меня, наверное, не помните, я около недели назад, или, может быть, чуть больше, приносил вам анализы дочери.

— Результат-ты п-получают не т-тут...

— Да-да, я знаю. В общем... В общем, я хотел сказать... Послушай, старина. Я приехал, чтобы попросить у тебя прощения. Тогда, в то утро, я был очень злой, и мне показалось, что ты пьяный. Ты прости меня, старик. Я часто принимаю людей за пьяных — дело даже не в тебе... Это я больше болен, чем ты... То есть я не это хотел сказать... В общем, я тогда подумал, что ты бухой на работе, а мне потом жена рассказала, что здесь работает люди с...

— И?

— Я пришел, чтобы извиниться перед тобой. Прости, я думаю, в твоей жизни и так слишком много дерьма...

— Д-да, — улыбается он, — дель-ма мно-го!

— Не важно, в общем, я подумал, может быть, сходим как-нить выпить пива, а?

— Зачем?

— Ну не знаю... зачем друзья ходят пиво выпить?

— Вы думаете, што от того, што пошовете меня выпить, мне штанет лехче?

— Нет. Не думаю.

— Думаете, если пошовете меня, то у меня появится друг?

— Нет, старина, я думаю, что если ты согласишься, то, быть может, друг когда-нибудь появится у меня.

— Вы очень штранный. Шегодня фечером я не могу, я иду шо швоей дефушкой в кино. И вообще мне нуфно идти.

— Да, да, конечно, старина. Я и не думал, что ты согласишься. Это я так, просто подумал, если ты вдруг будешь свободен... Значит, у тебя есть девушка?

— Да, а фто здесь такого?

— Нет-нет, совсем ничего, просто у меня вот, например, нет...

— До швиданья.

— Пока, дружище, пока.

Первые часы дороги кажутся мне довольно легкими. Голова почти не кружится, я чувствую себя хорошо. Мне нравится смотреть на асфальт и слушать радио. Некоторым песням я даже подпеваю. Я курю и переключаю радиостанции. Иногда треп ведущих кажется мне интересным. Кое-кто пытается шутить. Порой мне даже смешно. Я улыбаюсь.

Усталость проявляется ночью, уже после границы. Дорога становится лучше, и это, вероятно, убаюкивает меня. В России машину постоянно потряхивало, било, вырывало из рук. Это помогало сконцентрироваться. В Латвии, когда асфальт становится подобен ковру — теплота и слабость обнимают меня. Время от времени я закрываю глаза. Зеваю. Я знаю, что со сном в дороге бороться нельзя. Человек не замечает момента засыпания. Сон подобен смерти. Многие так и погибают. Именно так погиб мой дядя. Мне ни в коем случае не хочется повторять судьбу этого ублюдка. Я делаю остановку. Разминаюсь, пью кофе. Парень на заправочной

станции говорит, что мне бы лучше не садиться за руль. Мне нравится, что он говорит на языке моего детства. Я благодарю его за заботу и объясняю, что не пьян, что просто устал после операции. «Дело ваше, — отвечает он, — не забывайте, что вы не один на дороге».

Когда я вновь сажусь в машину, мне хочется рвануть с места, рвануть так, чтобы из-под колес пошел дым. Кажется, получается. Жаль только, что я не рассчитываю с мощностью автомобиля и тотчас выскакиваю на трассу. Машине, которая в это время двигалась в попутном направлении, чтобы избежать столкновения, приходится выехать на встречную полосу. Я слышу длинный протяжный сигнал. Благо, никто не пострадал. Я вновь улыбаюсь. Микроавтобус немного виляет и скрывается из виду. Я начинаю медленно набирать скорость.

Кажется, я не в самой лучшей форме. Дорога не заканчивается. Рига не приближается. Я чувствую усталость. Остановка не помогла. Вторая тоже. В какой-то момент я все же признаю себе, что идея проделать путь на автомобиле оказалась не лучшей. Хочется спать. Меня раздражают огни встречных автомобилей, болит голова. То и дело я нарочно включаю дальний свет, чтобы слепить водителей в ответ. Кажется, несколько раз я оказываюсь на встречной полосе. Машина съезжает. Я о чем-то думаю, часто зеваю. Я ищу бодрую музыку, но на всех волнах ставят что-то спокойное, будто и водители ночью должны спать. «У тебя такие глаза — будто в каждом по два зрачка, как у самых новых машин... По ночам из шоссе в шоссе пролетают машины, шумя двумя парами фар... У тебя двойные глаза. Их хватило б на два лица. И сияет весь океан — от помноженных на два глаз...

Понимаешь, твои глаза — двух земных полушарий карта, ты когда закрываешь их, погружается на ночь экватор. А когда их прошу открыть я — в них два полюса голубых. В миг открытья...». Я чувствую тяжесть в локтях. Телефон сообщает, что в блоге появилась новая запись, но у меня уже нет сил ее прочесть — я засыпаю.

ЗАМЫСЕЛ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ. ОН

Мои школьные друзья всегда завидовали мне: какой у тебя крутой отец. Сколько раз, восхищались они, он разрешал нам пить пиво, материться, смотреть порнушку! Его никогда не интересовали твои оценки, твоя дисциплина, то, как ты одет. У тебя, Саня, очень, очень крутой отец!

Кажется, папа так до конца и не понял, что с ним произошло. Такое бывает. Потерпев несколько серьезных поражений, он принялся упрекать во всем свое окружение, но никогда — себя. В потере работы было виновно государство, в несчастной судьбе — история, в фактической утрате жены — брат. С годами отец стал искренне полагать, что пьет только потому, что его сын предатель. Впрочем, алкоголизм никогда не был его единственной проблемой. Папа любил ходить налево, проигрывать деньги в карты. Отец обожал спорить на деньги, на деньги же играть на бильярде. Алкоголизм просто вырвался вперед. Алкоголизм стал проблемой номер один — алкоголизм стал решением всех проблем. Все смешалось в его голове. Все стало на свои места.

Сын, сетовал отец, уехав в Москву, брал деньги у дяди. Дядя, возмущался отец, спал с мамой. Или не спал. Сын мог только догадываться об этом, думал отец. Так или иначе, долгие годы сын

брал деньги, а теперь, когда, как ему казалось, наступало время отдавать — отдавать отказывался. Не дяде, но ему, отцу.

Отец считал, что мой дядя что-то значит для меня. Папа не мог поверить, не мог или не хотел принять, что мне было совершенно наплевать на его братца. Отец не мог уяснить одной элементарной вещи: все, о чем я мечтал, — чтобы отец мой был человеком спокойным, трудолюбивым и, по возможности, малопьющим. Я хотел, чтобы отец был человеком простым и заурядным. Я мечтал разговаривать с ним о бесполезных вещах, я хотел обсуждать с ним футбол и играть в шахматы, но он не понимал. Он думал, что я жду от него кресла министра энергетики. И круг замыкался. Я хотел, чтобы он стал человеком, и он — чтобы человеком стал я. Я ненавидел и любил его, он ненавидел и любил меня. Мы забирались в тупик. Я считал его ничтожеством, и он не делал ничего, чтобы изменить мое мнение. Вместо этого он присылал сообщение: «Треть дома принадлежит тебе — оплати хотя бы треть квартплаты в этом месяце».

Господи, думал я, господи, что же с ним произошло? Что должно произойти с человеком, чтобы он стал подобен ничтожеству? Как мужчина в шестьдесят с лишним лет может позволить себе писать такие сообщения сыну? Как он, отец мой, человек, который должен был быть для меня примером, может позволить себе писать нечто подобное? Как может он, мужчина, в шестьдесят лет выпрашивать деньги на треть квартплаты? Как может родиться замысел такого письма? Как может он, думал я, здоровый мужик смириться с тем, что его друзья звонят мне и просят о помощи для него? «Саша, ты бы не забывал отца — он все-таки вырастил тебя». Как?!

Отец ждал, что каждый месяц, исправно, я буду передавать ему деньги, которые позволят беззаботно смотреть программы,

что я пишу. Мой отец не хотел работать. Ни в коем случае. Со всем. Он умел только строить из себя крутого парня, рассказывать, что когда-то у него было много денег, и обвинять меня во всех своих несчастьях.

Время от времени он продавал какие-то вещи, но в конце концов вещей почти не осталось. Кажется, в этот момент он окончательно сошел с ума. Неделя за неделей он занимался только тем, что вспоминал о предметах, которые, как ему казалось, я утаил от него и продал. Отец вспоминал, что в четырнадцать лет у меня был велосипед, но потом он куда-то пропал. О том, что велосипед этот был давно украден, мой отец забывал, он не хотел в это верить, он хотел верить только в то, что его сын приехал из Москвы, тайком продал двадцатилетний велосипед за десять лат и утаил от него эти деньги. Он верил в это. Он искренне полагал, что я мог так поступить.

«Что ты сделал с велосипедом?»

Отец страдал. Он не понимал, почему сын, почему его родной сын отказывается каждый месяц передавать деньги. Его не интересовало, что у меня есть жена и дочь, не интересовало, что каждый месяц я сажусь с выручкой и начинаю делить ее между дочерью и родителями, всякий раз решая, как сделать так, чтобы никого не обделить. Папу волновало только то, что деньги эти у меня были. Словно акула кровь, он чувствовал их запах. Он их желал. Он хотел, чтобы я их отдал. Он нуждался в них. Он уставал жить без денег. Он привыкал, но уставал. Ему хотелось пойти в магазин и купить все, что он захочет. Он многого хотел — мой отец не хотел лишь работать. Он утверждал, что работы нет. Что работу не найти. Он не выходил из дома, не звонил по объявлениям, но всякий раз доказывал, что вакансий нет. Если раз в год ему удавалось устроиться на работу, то уже через месяц его

увольняли. Отец искренне винил работу в том, что после первой полочки бывает запой. В связи с этим он не понимал, почему мне так сложно давать ему хотя бы триста лат в месяц. Этого бы ему вполне хватило на то, чтобы жить. «Неужели так сложно?!» — думал он. «Неужели так сложно?!» — думала она.

ЗАМЫСЕЛ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ. ОНА

Мама. Моя мама. Избалованная девочка. Однажды, я был, наверное, классе в четвертом, мама приехала за мной в школу. Родители отдавали меня на весь день и забирали лишь в восемь вечера, после ужина. Я сидел на деревянной скамье, ждал одного из них, и вдруг вошла она. На ней была дорогая шуба, на ее руках позвякивали украшения. Мама была слишком хороша для нашей вахты, для нашего вестибюля. В те времена мало кто мог позволить себе так выглядеть. Я помню, как дети и учителя смотрели на нее. Кажется, в тот далекий вечер я впервые понял, что моя мама ставит себя выше других.

Мы никогда не были по-настоящему близки. Мама всегда занималась только собой. Я хорошо запомнил один случай: мне было года четыре, я играл на пляже, мама болтала с подругами. Я сказал ей, что хочу в туалет. Мама не обратила внимания. Ей было весело. Мама была хохотушкой. Я повторил, что хочу писать, но она вновь не отреагировала.

— Мама, мама, я хочу писать!

— Сейчас, дай договорю!

— Ах так?! — разозлился я. — Тогда вот! — и я написал прямо в штаны. — Ну что? — засунув руки в карманы, спросил я. — Теперь идем?

— А теперь-то зачем? — смеясь надо мной, ответила мама. — Теперь иди гулять.

Моя мама никогда не была человеком чутким. Думаю, все дело в том, что материнство свалилось на нее слишком рано, застигло врасплох. Мама любила выпивать и веселиться. Мама хотела жить. Она часто брала меня на дискотеки и заставляла танцевать, не понимая, что это не доставляет мне никакого удовольствия, но, напротив, мучает. У мамы было много интрижек, и история с дядей была лишь одной из них. В течение нескольких лет он появлялся у нас каждый день. Кажется, мама даже не понимала, что я все вижу. Взрослые полагают, что дети глупы, но все ровным счетом наоборот.

Однажды я оговорился и назвал своего дядю папой. Я очень долго переживал, мне было стыдно перед отцом, который не слышал этого и, думаю, так никогда об этом и не узнал. Мне было больно, мне было тяжело, и боль моя, несомненно, должна была найти выход. И я возненавидел мать. Я не мог простить ей этой оговорки. Ненависть моя была настолько сильна, что я перестал замечать ее. Все мои конфликты с отцом были связаны с тем, что я очень любил его и, насколько это было возможно, старался разрешить наши противоречия. С мамой никаких конфликтов не было. Мамы не существовало.

Переехав в Москву, я перестал писать ей. Если я отправлял сообщения домой, то только отцу. Если мы разговаривали по телефону, то в конце разговора папа говорил: «Погоди, сейчас дам маму». Мама всегда оставалась для меня родителем второго плана, человеком без лица.

Со временем мать стала выглядеть комично. Денег в семье не осталось, но она продолжала выдавать себя за знатную даму. Отправляясь в магазин, мама надевала на себя все украшения,

но просила у продавщицы в долг. Всякий раз, когда я передавал родителям деньги, мама тратила их на выпивку и одежду. Она не раздавала долги, не покупала еду и косметику. Ей казалось, что она по-прежнему молода и прекрасна. Все, что ей требовалось, — бокал шампанского и новое платье.

Мама врала. Когда я спрашивал, ищет ли она работу, мама отвечала, что да, но на самом деле ничего не искала. Мама, как, впрочем, и отец, ждала. «Однажды работа придет сама». Мама дожидалась звонка с приглашением возглавить салон красоты или магазин модной одежды, но звонков не было. Телефон молчал. Год. Молчал два. И, едва ли не каждый день напиваясь перед экраном телевизора, мама полагала, что жива.

Не думаю, что, прочитай я эти замыслы сейчас, в дороге, я бы развернулся и вернулся в Москву. Нет, я бы все равно доехал до Юрмалы и разрешил бы все дела, но, во всяком случае, я бы гораздо раньше понял, кто ведет блог. Истории про маму и отца, точь-в-точь мои, теперь даже не интерпретированные слова — док выдал себя. Судя по всему, он сам решил изобличить себя. Он сделал все, что хотел. Я рассказал, он записал, он написал — и я услышал себя. Точка. Конец истории.

Вероятно, если бы я прочел эти две главы сейчас, в машине, то припарковался бы на обочине и позвонил бы ему. И мы бы договорились о встрече. И через несколько дней я бы действительно вернулся в Москву и зашел бы в его кабинет. И он бы собирал свои вещи в картонную коробку. И это было бы верно, потому что то, что он совершил, — неэтично, потому что психоанализ есть этика, и после всего со-

деянного док просто не имел права практиковать. И я бы, вероятно, спросил: зачем он все это сделал? И он бы ответил, что отчаялся, что не мог подобрать ко мне ключа, что бился о стену и решил рискнуть, и что сделал это, конечно, не для себя, но только для того, чтобы я наконец услышал собственный голос. И на это я бы возразил, что не собирался слышать собственный голос, но просто хотел вновь научиться радоваться жизни и шутить. И док бы уверил меня, что совсем скоро это произойдет. И я бы спросил его: будет ли он в таком случае дописывать свой роман? И док бы ответил, что роман этот не его, но мой. И что, конечно, нет, не будет, что замысел, кажется, сработал, а закончить (или начать), как мне будет угодно, должен я. И мы бы, вероятно, разошлись даже друзьями, потому что у меня есть одно хорошее качество — я никогда не держу на людей зла.

В общем, действительно было бы славно, если бы сейчас я остановился и прочел эти главы, но я не успел. Я заснул. Самое время вспомнить последнюю главу «Замыслов». Док все верно предсказал. Машина сваливается в кювет. Удар, еще удар. Я бьюсь о рулевую колонку. Летят стекло, ветки, грязь, кружится земля...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Меня вытаскивают из машины. Без гидравлики. Спасатели. Очень приятные. Доброе утро, Латвия! Красивые, высокие, крепкие. Они кладут меня на носилки и укрывают пледом. «Парни, а вертолет будет?»

Я говорю им, чтобы они особенно не волновались, что синяки у меня не от удара, но от драки в Москве. И кто-то из них отвечает, что я счастливчик, что мне повезло, потому что машина восстановлению не подлежит. «Вот и славно, — думаю я, — я давно хотел ее поменять».

После осмотра я отказываюсь от госпитализации и отправляюсь домой. Кружится голова. От волнения и счастья. Дверь открывает мама. Постаревшая, с грязной головой. Пьяная, как всегда. Кажется, она даже не понимает, кто к ней приехал. Судя по всему, она пьет третий или четвертый день. Все как всегда. Мама прижимается к стене. «Иди спать», — говорю я. Мама фыркает и плетется за мной. Я прохожу в родительскую комнату. Отец лежит на кровати закрыв глаза. Я приподнимаю плед — ноги действительно сломаны. Два гипса. «Ну вот я и дома», — думаю я.

Я осматриваю комнату. Работает телевизор. Пепельницы полны, бутылки пусты. Мама что-то мычит. Кажется, она пытается продемонстрировать мне, что научилась говорить на латвийском. Я не понимаю. Пахнет мочой. Я толкаю ее на кровать и накрываю одеялом. Ухожу к себе.

В моей комнате ничего не изменилось. Плакаты, видеокассеты, домашние номера друзей, записанные на обоях. На столе, нетронутые, лежат автомобильные каталоги, из которых я когда-то вырезал машины. Я смотрю на потолок. В потолке дырка. От пули.

У нас в доме всегда был пистолет. Не помню, когда он появился. Наверное, остался еще от прадеда. Не важно. Это совсем не важно. Важно только то, что пистолет был. Всегда. Боевой. Папа говорил — на всякий случай. Для меня он всегда оставался гарантией того, что родители не разведутся. Даже когда папа бил мать, даже когда бил ее в коридоре, возле шкафчика, в котором лежал пистолет, она не тянулась к нему. Мама могла застрелить отца сотни раз, но так и не сделала этого. Однажды этот пистолет попал в руки к Лидии. Я позвал ее в гости, когда родители уехали на несколько дней в Вильнюс. Шкафчик оказался открытым, и, увидев пистолет, Лидия взяла и направила его на меня. Я твердил, твердил ей, что это не игрушка, что пистолет заряжен и он настоящий, но Лидия не верила. Она смеялась и обещала меня убить.

— Если не веришь, — нашелся я, — выстрели в потолок!

— Хорошо, — сказала Лидия и действительно выстрелила.

В тот день она очень испугалась. Теперь, разглядывая дырку, я думаю, что пистолет не помешал бы мне на встрече с человеком, который вымогает деньги. Только пистолета я

не нахожу. Отец, вероятнее всего, заложил его в один из своих походов в ломбард.

В доме прохладно. В лучах солнца кружится пыль. На столе вибрирует телефон. Пришло сообщение. Гёба пишет, что блог ведётся где-то в Москве, указывает адрес. Я улыбаюсь. Мне нравится здесь.

Я звоню незнакомцу, и мы договариваемся о встрече в Риге, в ресторане, о котором я ничего не знаю. Через час я приезжаю туда.

Человек сидит спиной ко входу. Один. Больше в кафе никого нет. Впрочем, не думаю, что сюда часто заходят. Дешевое, пошлое и тусклое, как в плохом многосерийном детективе, что транслируют с ночи до утра.

Я подхожу к столу. Сажусь.

— Ну, здорово!

— Привет...

Не так я представлял нашу встречу. Я всегда думал, что если еще когда-нибудь повстречаю милиционера, то жутко перепугаюсь. Я думал, что ко мне вернется страх, что заболит в груди, что под кожей скользнет кадык. Всякий раз, возвращаясь в Ригу, я опасался, что наткнусь на него, что струшу, что он почувствует это и просто так, смеха ради, вновь ударит меня. Уже много лет я ничего не знал об этом человеке, но страх, страх, который я испытал много лет назад, казалось, никогда не отпустит меня. Я ошибся.

Бывший милиционер сидит передо мной. Я покручиваю шило в кармане и понимаю, что больше ничего не боюсь. Совсем. Саша Филипенко больше ничего не боится.

Милиционер смотрит на меня, скалитися и, вероятно, пытается напугать. Только ничего не выходит. Зря он это дела-

ет, зря. Он даже не понимает, что стал смешон и стар. Он, судя по всему, тоже очень много пьет. Кажется, мне даже жаль его, но...

— Давай сюда свою руку, отдам деньги — говорю я.

Он кладет руку на стол, ладонью вверх. Я вытаскиваю из кармана шило и что есть силы бью. Мужчина кричит, пытается убрать руку, но поздно — я прибиваю его кисть к деревянному столу. Он орет, пытается вытащить шило из руки, но тем самым делает еще больнее себе. Он продолжает орать, но это никого не смущает. Бармен спокойно протирает стакан и смотрит на нас так, будто подобные истории случаются здесь каждый день.

— Сука! Тварь поганая! А-а-а!

— Не ори, дай сюда! — говорю я и вырываю шило из его руки. — Сядь! Сядь, я тебе говорю, мразь!

Будто сам себе пожимая руку, мужчина из моего детства пытается остановить кровь. Испуганный, он смотрит то на окровавленную ладонь, то на меня.

— Ты сломал ноги отцу?

— Нет!

— Кто?

— Да сам он!

— Как это сам?

— Да поскользнулся просто и все! Не ломал я ему ничего! Это он все это придумал!

— Что значит придумал?

— Ему как всегда нужны были деньги. Он поскользнулся, пьяный, у вас дома, а потом уже решил придумать эту историю.

— Откуда ты его знаешь?

— Да мы уже пару лет выпиваем вместе. Приятельствуем.
— Ясно. Вызови себе врача.

Все это похоже на моего отца. Очередной прекрасный замысел. Я возвращаюсь домой. Папа сидит на веранде. Сложно понять, как он вообще добрался сюда. Рядом с отцом сидит кот. Мой кот. Тот самый, что сбежал из московской квартиры. К моему удивлению, — папа трезв. Я люблю, когда папа трезвый. Папа уже все знает. Ему, наверное, позвонил друг. Папе стыдно — он не смотрит на меня.

Я смотрю на отца. Он смотрит в окно. Кот смотрит на меня. Я смотрю на отца и слушаю, как ветер раскачивает сосны. Где-то вдали шумит электричка. Падают шишки. Папа все смотрит куда-то вдаль, и кот все смотрит на меня.

На следующее утро нам доставляют кресло-коляску. Я заговариваю мать в душ, заставляю умыться и приготовить нам завтрак. После завтрака мы идем к морю. Мама молчит, молчит отец, молчу я. Кот, которого отец держит на руках, с интересом рассматривает пляж. Я смотрю на пену. В небе кричат чайки, у берега плещутся волны. Мы не разговариваем. Когда появляется Лидия, я говорю родителям, что им пора домой.

Лидия приходит вместе с мальчиком. Он держит ее за руку и все время порывается замочить кроссовки в воде. Лидия улыбается.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — отвечает Лидия, — очень приятно, что ты позвонил.

— Я рад, что ты согласилась приехать. Дойдем до скамейки?

— Да, давай, конечно.

Пала и мама машут нам. Мальчишка, словно медвежонок, неуклюже бежит к воде. Лидия кричит, чтобы он не подходил слишком близко. Парнишка, кажется, послушный. Мы садимся на скамейку.

— Как твои дела, Саш?

— Кажется, хорошо.

— Все шутишь?

— Больше нет. Сколько твоему малышу?

— Два.

— Кто отец?

— Если бы я знала... Кажется, больше похож на тебя.

— А Гёба знает?

— Нет.

— Как ты его назвала?

— Роман.

— Ладно, смешно...

— Зачем ты здесь, Саш?

— Приехал по одному делу.

— Надолго?

— Кажется, теперь навсегда. Ты бы хотела два миллиарда евро, но при этом быть морем?

Лидия улыбается. Улыбаюсь я. Роман встает на ноги. Лидия теребит мои волосы. Я думаю о том, что в этот момент, в этот самый прекрасный в моей жизни момент, добравшись домой, родители спорят, как лучше спрятать бутылку. Флюгер соглашается продать молодым юмористам шутку про грузина, который кормит с руки ежа. Медбрат делает глоток бутирата. Гёба целует мою дочь. Я смотрю на море, сценаристы садятся играть в покер. Док выключает компьютер. Нино смотрит в окно. Устроившись перед телевизором,

моя теща наблюдает за битвой экстрасенсов. В тридцати четырех километрах от Москвы, в позолоченной клетке, от остановки сердца умирает львица. Батюшка набивает себе новую татуировку с изображением Иисуса Христа, и младший сержант решает никогда никого никуда не пускать. Ведущие читают газеты, и где-то там, далеко-далеко, мой лучший друг ковыряется в дерьме.

Возвратившись домой, я достаю из стола чистый лист бумаги, беру карандаш и записываю первое предложение романа, который, однажды, обязательно напишу:

Утром сбежал кот. Второй за год. Пока я искал его, Москва встала в пробку, длинную, как кишка.

ЗАМЫСЛЫ САШИ ФИЛИПЕНКО

рассказы

ПЕТЮ УКУСИЛА СОБАКА

Моей бабушке

Папу забирают 7 ноября 1937 года. Я лежу на спине — мне ровно год. Стучит дядя Петя, сосед по коммуналке. Он претендует на нашу комнату и, как позже выясняется, на маму. Сосед улыбается. Мама отказывается от врага народа, и первые четыре года жизни я полагаю, что дядя Петя — мой отец. Когда мне исполнится восемнадцать, я узнаю, что папа жив. Неделью он просидит в камере для смертников, месяц на Соловках, после чего выйдет на свободу. За него вступится какая-то актриса. Знаменитая. Лично. В кабинете Сталина. Узнав о предательстве, папа никогда не вернется домой.

В октябре 41-го мы покидаем Москву. Без дяди Пети. Мне четыре, у меня красивые косы и врожденный дефект — косоглазие. Пока мы живем в Москве, меня никто не трогает; на новом месте начинается ад: дети — народ непростой.

Мы живем у маминого брата. Бийск — маленький алтайский городок недалеко от Барнаула, куда меня часто возят из-за болезни ушей и косоглазия. Транспорта нет, поэтому возят на лошадях, в тулупе.

Жизнь сносная — жена дяди Коли работает в магазине. По вечерам мы клеим корешки продуктовых карточек на какие-то листы с помощью сваренного в мундире картофеля. Мне нравится.

Случаются чудеса. Однажды меня приглашают на день рождения дочери директора завода! Одно «но» — мне нечего надеть. Мама берет кальсоны брата. Кальсоны светло-синего цвета, с начесом. Мама шьет мне платье — платье кажется

очень красивым. Я горда. Во время праздника какой-то мальчик смеется надо мной: «У косоглазой платье из кальсон!» Я выбегаю на лестницу. Я плачу и повторяю, что у меня красивое платье. С тех пор я не обсуждаю одежду других.

Июнь 45-го. Мама каким-то чудом получает литер на возвращение домой. На вокзале звучит песня «Будьте здоровы, живите богато, а мы уезжаем до дому, до хаты». Этой песней провожают всех. Наша комната на 7-м этаже в доме против театра им. Вахтангова занята — у дяди Пети новая семья. Он улыбается. Меня поражает, что потолок и пол уложены дубом — я совсем этого не помню. Теперь, в неполные девять лет, все это кажется мне сказочно красивым. Мама не произносит ни слова. Она берет меня за рукав и выводит на улицу. Мы уезжаем в Серпухов. На этот раз к маминной сестре.

Здесь я иду в первый класс. Портфелей нет. Сумки шьют из старых юбок или мужских брюк. Гордостью каждого школьника является чернильница-неваляшка. Их привозят из Москвы. По весне мы ходим на Оку, где у тети огород. У меня детская тляка. Мы выкапываем старый, прозимовавший картофель, сушим его и делаем картофельную муку, затем печем лепешки, которые называем «кавардашками». Мое любимое лакомство — фуражный жмых.

Я часто болею. Тетя достает мне барду (остаток от производства пива). Пока я живу — им кажется, что мне лучше. Мне дают еще и еще.

Тетя твердит, что маме нужна опора. Мама соглашается и выходит за военного. Я еще не знаю, что мой настоящий отец жив. Новый дядя кажется мне лучше дяди Пети — я принимаю его.

Спустя год отчима отправляют служить в Западную Украину, в прикарпатский городок Дубно. Каждую ночь вырезают комсомольцев и коммунистов. Каждый день похороны. Мы живем в доме сбежавшего чешского помещика. В доме шесть комнат и одна без окон — потайная. На ночь здесь собираются все пять проживающих в доме семей. На полу большой ковер и мешок семечек. Мне страшно.

У нас немецкая овчарка. Мама зовет ее Петей. Я сильно болею, пес тоже. Вместе мы сидим на завалинке и греемся на солнце. Я мечтаю, чтобы Петя сбежал в Москву и укусил своего тезку. И меня, и пса знобит. Даже на жаре. Петя кашляет — у Пети чумка. Через несколько дней он умирает. У меня малярия, но я держусь. Я очень хочу выздороветь, чтобы поехать в Москву и вылечить глаза.

В конце 51-го, после нескольких гарнизонных лет (Спасск-Дальний, Хабаровск, Челябинск), мы переезжаем в Минск. Отчим занимает должность главного инженера 26-й Воздушной армии Белоруссии. Ему дают хорошую квартиру, но он не хочет в ней жить. Саша садится в «Победу» и едет по городу искать жилье. Отчим выбирает последний дом в черте города. Мне нравится — здесь никто не косит на меня.

Спустя четыре года я заканчиваю школу. Это первый год, когда в университетах объявлен конкурс. Я хочу на философский, но его закрывают. Все места на историческом отдают полякам. Я решаю пойти в Институт иностранных языков. При поступлении я получаю «четверку». Экзаменатор считает, что я еврейка. Он признается в этом в деканате своим друзьям, и уже следующим утром они сдают его.

Во время экзамена преподаватель дает на перевод всего одно предложение: «Петю укусила собака». Все переводят

его так, что получается: «Петя укусил собаку». Предложение в страдательном залоге абитуриенты переводят в действительном. Я перевожу правильно, но я — еврейка. Отчим обращается за помощью к своей знакомой. Знакомая отвечает за быт высокопоставленных чиновников. Она помогает мне попасть на прием к министру образования БССР.

— Рассказывайте! — не поднимая глаз, говорит он.

— Я не еврейка — примите меня в институт!

Меня принимают.

Венгерские события. Отчим уезжает в Будапешт. Я еду в Москву — показать глаза, познакомиться с отцом. Ничего не выходит. Глазам не помочь. Ни моим, ни его. Все это слишком сложно. Я понимаю. Я никого не виню. Я и сама не знаю, зачем приехала. Говорили же, что ничего не выйдет. Я возвращаюсь в Минск.

Отчим дает мне 120 рублей в месяц. Научный сотрудник получает 83. Каждую неделю ко мне прилетает самолет из Венгрии. Мне передают одежду и продукты: приготовленные мамой фазаны, знаменитые венгерские саями, фрукты и токайское вино. Я живу роскошно. Саша любит меня как родную дочь. У меня столько одежды, что можно менять по несколько раз на дню, но я ее не ношу. Я раздаю подружкам.

Теперь я часто летаю в Москву. Премьеры и выставки. Я влюблена в музыку. Мой дефект делает меня уязвимой. Я прячусь в переводах и литературе. Я окружаю себя книгами и людьми, но почти ничего не испытываю к ним. Я не хочу замуж. Я боюсь.

На последнем курсе я замечаю красивого молодого человека. Все вздыхают. Он появляется то с одной, то с другой. Я решаю, что во что бы то ни стало заполучу его. Получается

на удивление легко. Деньги отчима делают свое дело. Чертов коммунизм. Мы расписываемся и живем вместе два месяца. Он берет у меня деньги, и уже через шестьдесят дней я узнаю, что его постоянно видят в ресторанах с другими. Я выгоняю его.

Через три года появляется еще один, по сути такой же. Моего второго мужа интересуют только газеты и пиво. Он надоедает мне, и, словно привезенные из Венгрии вещи, я отдаю его своей подруге. В соседний подъезд.

Я влюбляюсь еще раз. В физика. Из Ленинграда. Он говорит, что у меня самые красивые в мире глаза. Он приезжает ко мне каждые выходные и однажды зачем-то рассказывает правду. Я провожаю его. Автобус делает круг по привокзальной площади и возвращается к моим ногам. Водитель открывает переднюю дверь и кричит:

— Садись же! Вы такая красивая пара!

Водитель не знает, что у моего физика из Ленинграда есть семья. Двое прекрасных мальчишек. Двое прекрасных мальчишек, которые никогда не узнают, что совсем скоро в Минске родится их сводная сестра.

Девять месяцев мать твердит мне, что так нельзя. Что без отца — никуда. «Да? В самом деле? А как же я?» — «Вот и посмотри на себя!» Мать рыдает, рыдаю я. Отчим говорит, что справимся, что все это ерунда. Я гуляю по Минску и замечаю, что все мужчины смотрят на меня. Я продолжаю гулять, но опускаю глаза.

За две недели до срока я не выдерживаю и улетаю в Ленинград, в город, в котором никогда не была. Знаете, все эти боксерские клубы в костелах, мосты, Нева. Я нахожу его квартиру и предъявляю себя:

— Господи, Эля, что ты здесь делаешь?! Какая собака тебя укусила? Немедленно уходи — сейчас вернется жена!

Я плачу. Я ему не нужна.

Во время взлета отходят воды. В хвостовой части самолета расстилают маты. Пассажирам приказывают молчать. Все детство на аэродромах — в самом деле, где еще, как не в самолете, я должна рожать? Если выживу, думаю я, больше ни-ни — никаких мужиков. Так тому и быть.

Мы приземляемся в Минске. Меня привозят в роддом. «Милочка, да вы счастливица!» — улыбается врач. Похоже, природа кое-что вернула мне. Я выживаю, выживает дочь. Оказывается, у меня два околоплодных пузыря — это спасает меня. Вот уж действительно: кто-кто, а счастливица именно я.

У меня нет молока. Молоко присылают из Будапешта. Я счастлива. Таня растет очень красивой. Смуглая, с длинными прямыми волосами, как когда-то у меня. Я даю ей все, что могу. Мама и Саша очень помогают нам. Связи отчима помогают устроить Таню сперва в хороший детский сад, а затем и в школу. Но вот — беда...

Саша погибает в автокатастрофе. Он всегда говорил, что самое опасное в полетах — дорога в аэропорт. Так оно и есть. Саша оказался прав. Наша жизнь резко меняется. Мы вновь живем скудно, как и много лет назад. Я подрабатываю печатанием на латинской машинке. Обучаю Таню, и так, в четыре руки, мы играем тексты каждый вечер. Платят пятьдесят копеек за страницу, но мы рады и этому.

В школе Таня прилежно учится, и я верю, что она сможет поступить на актерский, но дочь удивляет меня. Она вдруг заявляет, что поступает в Политехнический, на металлурги-

ческий факультет. Вот те на! Вот уж безумие. Красна девица — металлург. Смех да и только, но кто меня слушает?

Она поступает, заканчивает. Работает инженером в литейном цеху. Красота! Ездит по командировкам — привозит мужа.

Я против. Я против замужества, но не против любви. Я говорю: «Доченька, поживи!» — но она не слушает. Я понимаю, что тянуть молодую семью придется мне. А я не хочу. Ни зятя, ни внука. Я хочу спокойно пожить, но зять переезжает ко мне. Вместе с рюкзаком и развалом Союза.

Перестройка. Пороки. Предательство. Дети занимаются каким-то бизнесом. Вся страна перепродает то, что сама не производит. У Тани рождается сын. Дочь называет его Петром. Смешно. Она все время повторяет: «Дядя Петя, пора спать!». Я не люблю его. Первые лет пять точно! Я очень холодна. Мне кажется, что, вместе со своими родителями, он вторгся в мою жизнь. Я хочу пожить своей. Хотя бы чуть-чуть.

Пете семь. Во дворе на него бросается бездомная собака. Она натурально разрывает его шею. Таня едва успевает спасти сына. В больнице я клянусь себе, что если мальчик выживет, всю оставшуюся жизнь посвящу его воспитанию. Я закрываю свою жизнь — я начинаю его.

Нам везет. Спустя два месяца Петя возвращается домой. Он все ходит из комнаты в комнату и повторяет: «Петю укусила собака, Петю укусила собака...»

Он очень плохо учится. Зятю приходится устраивать учителям праздники. Я продаю украшения, но почему-то верю, что из малыша выйдет толк. У него ясная голова. Он все время рисует на листах ватмана и сочиняет истории. Одну он даже посвящает мне: «Баба Эля и ее судьба...»

Уже много лет я живу одна. Дочь с зятем уехали в Германию. Петя окончил университет в Санкт-Петербурге и переехал в Москву. Он работает на телевидении и пишет рассказы. Год назад был опубликован его первый роман. Вчера вечером Петя позвонил мне и рассказал, что один известный журнал заказал у него рассказ. Петя сказал, что собирается написать обо мне.

ДОБРОЙ НОЧИ, КРАКОВ

Доктор Яцек Качмарски осмотрелся по сторонам. Посетителей не было. За окном разливалось зимнее солнце и валил снег. Он пришел первым. За барной стойкой хозяин старательно натирал вилки. На барной стойке прилежно спал кот.

Доктор Яцек Качмарски сделал глоток. Чай оказался крепким и горячим. Доктор Яцек Качмарски не любил такой чай. Такой чай подавали в советских поездах. Не чай, но чифирь. После него всегда болела голова. Подташнивало. Оставался неприятный привкус во рту. Доктор хорошо помнил этот привкус еще с тех времен, когда студентом ездил на учебу в Москву, чтобы стать тем, кем он стал.

Доктор Яцек Качмарски устал. Операция длилась всю ночь. Человек не хотел умирать. Но умер. Утром. Доктор Яцек Качмарски решил зайти в бар.

Закрыв лицо руками, Яцек Качмарски принюхивался к собственным ладоням. Они чем-то пахли. Ржавчиной, или кровью — доктор Яцек Качмарски не мог понять. Яцек обнюхивал пальцы и ногти, запястья и обручальное кольцо, которое до сих пор не снял. Запах не поддавался. словно мусульманин в молитве, доктор Яцек Качмарски несколько минут гладил свое лицо.

— Яцек, что ты делаешь?

— Руки чем-то пахнут. Не могу понять чем...

Отложив в сторону белое полотенце, лысый, полный мужчина вышел из-за барной стойки и подошел к столу.

— Дай сюда! — Яцек протянул руки.

— И правда, — принюхавшись, озадаченно сказал хозяин.

— Первый раз в жизни чувствую этот запах.

— Приятный запах, надо сказать...

— Да, запах довольно приятный... — согласился Яцек.

— Ты сегодня оперировал?

— Да.

— Успешно?

— Нет.

— Прямо совсем плохо?

— Совсем...

— Может, так пахнет смерть?

— Что за пошлости ты говоришь, Войтек? Смерть так не пахнет...

— А как пахнет смерть?

— Смерть вообще не пахнет.

— Ну... тогда не знаю, мне вообще надо приборы протирать!

— Сделай мне еще чай, пожалуйста! Только не такой крепкий...

— Всё ты сики святой Вероники пьешь. Я не умею так заваривать!

— Войтек, сделай, пожалуйста, так, как я прошу...

Пан Войтек вернулся за стойку. Яцек посмотрел на друга, затем на правую руку. Запах не выветривался. Он был в подушечках и заусенцах, в маленьком шраме, в родинке и в фалангах. Доктор Яцек Качмарски безуспешно пытался понять его, но ничего не выходило. Когда в бар зашел пан Лукаш Буравски, безработный, как все антропологи, антрополог, хозяин заведения Войтек Лабиевски попросил помочь:

— Лукаш, понюхай руки Яцека!

— Вот еще! Он что, королем стал?! С какой стати я должен нюхать его руки?!

— Они очень интересно пахнут! Мы не можем понять чем!

— Это что за шуточки?! Это что, какой-то розыгрыш?!

— Да нет! Никакой это не розыгрыш! Тебе что сложно?!

Понюхай, тебе говорят!

Пан Лукаш подошел. Доктор Яцек протянул левую руку. Пан Лукаш понюхал.

— Мылом пахнет!

— Нет! Это не мыло! Мыло, которым я мою руки в госпитале, пахнет не так.

— Вы у меня спрашиваете, чем пахнет — я вам отвечаю! Пахнет мылом!

— Нет, это не мыло!

— Откуда вы можете знать, что это не мыло, если сами не знаете, что это за запах?!

— Не знаю — согласился Яцек, но про себя лишь утвердился во мнении, что его руки пахнут чем-то другим.

Пан Мацей Цибульский, флорист, который зашел в бар сразу после пана Лукаша Буравского, заявил, что руки доктора Качмарского пахнут женой.

— Чьей женой? — поинтересовался Яцек.

— Твоей конечно! — ответил Мацей.

— Откуда тебе известен запах моей жены?

— Не знаю. Но как только я понюхал твои руки, сразу вспомнил о твоей жене. И о розах.

Версия Мацея Цибульского всем понравилась. Войтек и Лукаш еще раз понюхали руки Яцека и сошлись во мнении, что запах вполне себе женский. На это наблюдение Яцек Качмарски заметил, что пани Качмарска ушла от него три года назад, а последние два года вообще живет во Вроцлаве. Этот ответ чрезвычайно воодушевил антрополога Лу-

каша Буравского. Он объявил, что все сходится и дальнейшее расследование следует немедленно прекратить:

— Вот видишь Яцек: жены нет, а руки помнят!

— Не говори чепухи, это не ее запах!

— Ну... дело твое, — с улыбкой ответил Мацей и выпил первую за утро стопку водки.

В течение дня появилось еще несколько версий. Биолог Кшиштв Бош полагал, что руки Яцека пахнут Вислой. Экскурсовод Дональд Фабьянски настаивал на том, что ладони доктора отдают медью. Каждому вошедшему в бар гостю вменялось понюхать руки доктора Качмарского и незамедлительно дать ответ. Одни чувствовали «только» кожу, другие улавливали нотки мороза, сукна и горностая.

К вечеру двадцать первого января тысяча девятьсот девяносто восьмого года доктор Яцек Качмарски услышал порядка сорока версий. Все они имели право на существование, и ни одна из них не устраивала Яцека. Около одиннадцати вечера, обессиленный и разочарованный, доктор Яцек Качмарски решил поехать домой.

В дороге пассажир разговорился с таксистом. Яцек Качмарски перечислил водителю все озвученные за день версии: рыба, хвоя, асфальт; пластмасса, сера, миндаль. Выслушав доктора, понюхав его руки, Ежи Стефанович, таксист с сорокалетним стажем, с уверенностью заявил:

— Ваши руки, доктор, пахнут Краковом, приехали.

ЭФФЕКТ ВЫХИНО

Однокомнатная квартира. Девятнадцать метров жилой площади. Пьющие соседи. Сверху, снизу и за стеной. Скулеж собаки, грохочущий мусоропровод. Долбаный лифт.

Работа в центре города. Личная жизнь в метро.

Каждое утро, спустившись на станцию «Рязанский проспект», я смотрю на вагоны, в которые не сесть. Из-за загруженности «Выхино» поезда приходят забитыми. Я смотрю на людей, и они похожи на рыб.

В метро я читаю Зоценко: «На подоконнике банка с золотыми рыбками.

В банке плавают две рыбешки. Я бросаю им крошки сухаря. Пусть покушают. Но рыбки равнодушно проплывают мимо. Должно быть, им здорово плохо, что они не кушают. Еще бы, целые дни в воде. Вот если бы они просто лежали на подоконнике, тогда, может быть, у них появился бы аппетит. Засунув руку в банку, я вытаскиваю рыбешек и кладу их на подоконник. Нет, тут им тоже неважно. Они быются. И тоже отказываются от еды. Я снова бросаю рыбешек в воду. Однако в воде им еще хуже. Посмотрите, они даже плавают теперь брюшком вверх. Должно быть, просят из банки».

Зоологический магазин. Продажа аквариумов и корма. Четыре раза в месяц ко мне заходит молодой художник. Он покупает с десятков рыб и гордится тем, что позже выпускает их в реку. Он говорит, что дарит им свободу. Я понимаю, что рыбы мрут.

Когда мне было шесть лет, я брал в руки сачок и вылавливал рыбок из папиного аквариума. Затем шел в туалет

и смывал их в унитазе. Мне казалось, что через канализацию рыбы попадают в большую воду. Двумя пощечинами папа объяснил, что это не так.

Каждое воскресенье я катаюсь по Филевской линии. Мне нравится, когда между «Киевской» и «Смоленской» поезд выезжает на метромост. Разглядывая Белый дом, я представляю, что вагоны сходят с рельс и падают в Москву-реку. Через стекло я смотрю на кладбище рыб.

Понедельник. С десятой попытки проталкиваюсь в вагон. Думаю о боге. Он должен вытащить кипятильник из моего аквариума. Мне надоело в этом вариться.

— Вы выходите?

— Да. — Я вышел за ней даже в Кузьминках. — Могу я вас проводить?

— Нет.

Иду за ней. Оборачивается.

— Преследуете?

— Я здесь работаю. Только я могу открыть магазин.

— Мне нужны рыбки...

— Чтобы выпустить их в реку?

— Как вы догадались? — на ее шее, чуть ниже уха, краска. Ее голова, как поезд из Выхина, под завязку забита глупостями. Продаю рыб и закрываю кассу. С меня хватит. Иду в аптеку за снотворным.

Среда. Приходят вместе. Он и она. Просят рыб. Улыбаются. Целуются. Я выхожу из-за прилавка и начинаю избивать их. Сначала его, затем ее. Кровь, вода, осколки. Связываю и пичкаю снотворным. Загружаю в служебный микроавто-

бус и везу на набережную. Выбрасываю в реку. Пускай наслаждаются свободой.

По дороге домой, в метро, я дочитываю Зощенко: «Я снова вытаскиваю рыбешек и кладу их в папиросную коробку. Через полчаса я открываю коробку. Рыбки околели. Мамаша сердито говорит:

— Зачем ты это сделал?

Я говорю:

— Я хотел, чтоб им было лучше.

Мать говорит:

— Не притворяйся идиотиком. Рыбки созданы, чтобы жить в воде.

Я горько плачу от обиды. Я сам знаю, что рыбки созданы жить в воде. Но я хотел избавить их от этого несчастья».

ЭЙЯФЬЯДЛАЙЁКЮДЛЬ

— Что у вас еще можно посмотреть?

— А что вы уже видели?

— Все...

— Сходите в музей...

За завтраком датчане рассказывают немцам, что аэропорт по-прежнему закрыт. Карантин продлили. Говорят, птицы сходят с ума. От счастья. Такого чистого и тихого неба они никогда не видели. Отменили около пяти тысяч рейсов. Сколько это продлится — никто не знает.

М. чихает, берет яблоко и возвращается в номер. Из восьми человек в лифте — шестеро в спортивной форме. Гости обжигаются. Раз уж из Хельсинки не улететь — нужно держать себя в форме. М. никогда не бегал, но, глядя на потных и мокрых от дождя постояльцев, решает приобрести беговые кроссовки.

Шестой этаж гостиницы «Холидей Инн». На последнем номере не было. Этот — лучший из возможных. В номере, как и на всем этаже, запрещено курить. Несмотря на это, М. закуривает. Пепел падает на ковер.

За окном привокзальная площадь. Справа почта, слева, соответственно, вокзал. Ряды припаркованных велосипедов и автобусы пригородного следования. У большого окна кресло и журнальный столик. На столике стакан. Стакан почти полон. Выходит, ночью он сделал всего несколько глотков. Вода теплая. М. тянется в мини-бар за бутылкой газировки, после чего включает телевизор. По немецким, французским и итальянским телеканалам показывают одно и то же — хвосты спящих самолетов. Европе обрезали крылья. По первому шведскому телеканалу диктор анонсирует

программу передач. Интересно, думает М., у них до сих пор остались дикторы.

Около двенадцати часов М. спускается к рецепции. В Хельсинки придется пробыть еще как минимум сутки.

Это уже десятый визит М. в Хельсинки. О прогулках и изучении достопримечательностей не может идти и речи. М. бывает в Хельсинки чаще, чем в Кнаasma меняют экспозицию.

Душ съедает десять минут, полотенце три. Брюки, рубашка, ветровка... М. сидит на кровати и разглядывает буклет с подушечным меню. Гостиница предлагает своим клиентам подушки на любой вкус. Сон здесь действительно сладок, но М. высыпается за семь часов. В номер можно заказать сэндвичи и вино. Отбросив буклеты, М. ложится на кровать, но спустя мгновение возвращается к прежней позе — потолок досконально изучен еще вчера.

Вновь включив телевизор, М. останавливается на передаче про обезвоживание. Эксперт британской академии наук рассказывает о недостатке воды в организме. Роль воды для организма человека очень велика, хотя бы потому, что все метаболические процессы происходят в водной среде. Кровь, лимфа, межклеточная, внутриклеточная жидкость, слеза, слюна, пот, желудочный сок, сок поджелудочной железы, желчь, моча, кишечные выделения и выделения из половых или дыхательных путей — всё это вода с растворенными в ней веществами. Движение и взаимодействие большого множества молекул между собой происходит благодаря воде и зависит от ее количества. Чем больше концентрация воды в любой биологической жидкости, тем выше скорость взаимодействий: быстрее доставляются питательные вещества клеткам, быстрее пополняются энергетические запасы, быстрее выводятся побочные продук-

ты биохимических реакций, быстрее будут идти процессы обновления и восстановления, с помощью воды легче будет идти проникновение клеток иммунной системы в самые дальние уголки организма. Уменьшение количества воды в любой биологической жидкости приведет к ее сгущению и нарушению метаболизма. То есть жизнь без воды невозможна.

Выключив телевизор, М. вновь смотрит в окно. Хельсинки мокнет. М. понимает, что с каждой минутой вчера становится более логичным продолжением дня, чем завтра.

В конце концов М. выходит на улицу. Несколько секунд разглядывает таксиста, затем закуривает. Он идет прямо, за почтой поворачивает направо, на переходе налево, вновь прямо и через несколько минут оказывается у Шведского театра. Теперь, когда куртка промокла насквозь, можно пойти вверх, но там он был вчера и позавчера. Правая от него сторона изучена в прошлый приезд, терминалы «Викинга» и «Силии лайн» тоже. М. возвращается в гостиницу.

Номер не успели убрать. Теперь здесь много пепла. Вальяющиеся повсюду окурки напоминают хвосты самолетов. Вероятно, когда горничная сообщит о том, что в номере накурено, поднимется скандал. Осознав это, М. достает последнюю сигарету и швыряет пачку на пол.

За большим окном, внизу, люди спешат на вокзал. Такси приезжают и уезжают. Длинные автобусы ловко входят в поворот и отправляются в сторону Сенатской площади. В который раз М. разглядывает зеленый купол кафедрального собора. Над ним, как, впрочем, и над другими домами, кружат чайки. Большие и белые, как облака. М. моргает. Затем еще и еще. Кажется, это единственное событие достойное записи в дневнике, но дневника М. никогда не вел.

Через полчаса он вновь в холле гостиницы. Портье подтверждает отмену всех рейсов.

— Вообще-то у нас в гостинице не принято курить, но, учитывая сложившуюся обстановку, напряженность ожидания, мы не будем предпринимать каких-либо мер. Постарайтесь больше не курить в номере, в противном случае нам придется оштрафовать вас.

— Сколько еще будет извергаться вулкан?

— Никто не знает. Период активности может продолжаться от нескольких месяцев до нескольких миллионов лет.

— И что мне теперь делать?

— Вы видели церковь Темппелиаукио?

— Да. Может, мне поехать в Швецию?

— Нет смысла. Скандинавия стоит и, судя по всему, полетит последней. Только если у вас есть желание посмотреть Стокгольм... Но на ближайшие дни билетов на паром все равно нет.

М. олять чихает и закуривает. На этот раз пепел покрывает асфальт. Сигарета еще не докурена, а он уже перед памятником Маннергейму. Странная на нем шапка, думает М. Рядом с памятником шестому президенту Финляндии много подростков. Они катаются на скейтбордах и, кажется, однажды обязательно перестреляют друг друга.

М. обедает в кафе музея Киасма. Салат, белое вино, пластиковые салатные стулья. Вокруг азиаты и финны, которым, оказывается, еще есть что обсуждать. Много маленьких детей. Похоже, им никогда не доведется летать.

М. смотрит по сторонам. Создается впечатление, что большие окна ограждают не от улицы, но от тишины, что внушает покорность. М. думает о том, что в Хельсинки череда дней становится единственным путешествием.

ВЕНЕРА

Женщина говорит «та». В пустой кровати пустой спальни пустившего, как косы, трещины пустого дома она выговаривает «та». Она не знает, прихоть это или спасение, минутная слабость или шаг, который, возможно, изменит ее жизнь, она просто шепчет «та».

В течение нескольких дней она находит его. Лучшего в городе. Звонит и попросит о встрече в Уфицци. Он спрашивает, как узнает ее, и она отвечает, что будет самой красивой в зале Боттичелли. Он обещает обязательно ее узнать.

Когда женщина появляется, он понимает: «Не обманула». Юноша улыбается, и она улыбается в ответ. Он ей нравится. Парень моложе, чем она думала, к тому же у него чистые руки.

— Видите картину?

— Та?

— Ту! Это «Рождение Венеры» Боттичелли.

— Я знаю, — скромно замечает он.

— Видите ее правую руку? Она прикрывает грудь. Веками люди наслаждаются ее красотой, не подозревая о болезни.

— Болезни?

— Да. Больше всего ей хочется опустить руку, поверьте. За много веков она отекала, она ноет, она так болит! Но, неся свою красоту, Венера не открывается. Она остается неприступной. Она нежна. Она соглашается с тем, что есть, потому что иначе и быть не может. В ее безучастии — мужество, в немногосклоненной голове — сила. Давайте поедем к вам.

Он ведет старый «Пежо» узкими улицами. Молча, время от времени проворачивая руль то вправо, то влево, он смо-

трет на ее руки, шею и грудь. Выстукивая триоли на страницах, женщина рассматривает альбом.

«Пежо» останавливается. Парень поворачивает ключ, дергает ручник и выходит. Обходит машину, открывает дверцу и подает руку, — женщина улыбается.

Почтовые ящики рвет буклетами магазинов одежды на вес. Мраморные ступени упираются в вековые раскрашенные стены. Он держит ее руку, и его шаги шире.

Закрывается дверь. Юноша берет плащ и спрашивает, не хотелось бы женщине чего-нибудь выпить. Ей все равно, отвечает она, и он уходит в кухню.

Гостя осматривает гостиную, разглядывает фотографии на полках и каталоги на столе. Комната кажется ей светлой, уютной и, пожалуй, слишком опрятной для человека, который делает татуировки. Из кухни еще раз доносится вопрос о выпивке. Она улыбается, но ничего не отвечает. Размотав шарф, женщина бросает его на пол.левой рукой толкает сначала правую, затем левую бретельку. Рождая складки, ткань медленно ползет вниз. Чтобы снять платье до прихода молодого мастера, она резко дергает у бедра. Шелк скользит. Женщина отходит к окну и становится так, чтобы мастерице была видна ее спина.

— На жопе, что ли, хотите? — будто бы грубо, но с юношеской иронией спрашивает он. Она ничего не отвечает и, резко обернувшись к нему, замирает. Замирает он. Его рука больше не держит ее. Он чувствует, как его палец не сжимают раскрывшиеся челюсти. Ему хочется закрыть глаза, но что-то останавливает. Он смотрит и ждет любого ее слова, но, словно робкая натурщица, она молчит, молчит, молчит,

молчит, молчит, молчит, молчит, молчит, молчит, молчит, молчит, молчит...

Он видит ее закрывающиеся в фалангах пальцы и дрожащим мизинцем чувствует собственное горячее дыхание. Она не говорит и он, заглотив слюну, едва слышно просит:

— Отвернитесь...

— Да, конечно, — тихо отвечает женщина и поворачивается к окну. Ногой она пытается нащупать и подтянуть платье.

— Нет, нет, не одевайтесь. Простите, я просто никогда не видел ничего подобного! Простите! Вы не могли бы повернуться ко мне еще раз? Простите!

— Ничего, я привыкла.

— Черт, это?

— Это рак груди...

— И вам?

— Одной половины, как видите, нет. Ее ампутировали. Я хочу сделать на этом месте татуировку. Здесь должна быть Венера, Венера, которая, подобно мне, прикрывает свою блезнь.

— И сосок отрезали?

— Да. Вы слышите, о чем я прошу? Мне нужна точная копия.

— Давно это у вас?

— Какое вам дело?!

— Не знаю, просто спросил. Никогда не видел ничего подобного.

— Вероятно, у вас было мало женщин.

— Не так чтобы и мало. Быть может, мои женщины, были моложе вас?

— У этой болезни нет предпочтений, девочки тоже болеют.

— Признаться, я всегда считал, что маленькие волоски вокруг сосков — это худшее, что может быть.

— Вы очень любезны.

— Простите, сам не понимаю, что несу. Слушайте, и что, ничего нельзя сделать?

— Можно застрелиться, а можно стоять тут перед вами и рассказывать то, о чем не знают даже мать и сестра.

— А ваш муж? Он не против татуировки?

— Он ушел еще до операции.

— Наверно, и детей забрал, да?

— Я бесплодна...

— Черт, простите меня! Но, вы действительно уверены, что хотите сделать татуировку на?

— Да. Венеру, прикрывающую свою грудь.

— Но зачем?

— Я так хочу. Это придаст мне уверенности.

— Вы понимаете, что это на всю жизнь? Потом ничего нельзя будет изменить. Этой частью вы больше не будете ничего чувствовать. Понимаете? Вдруг вам не понравится, придется сводить, останутся шрамы...

— Вы думаете, может быть что-нибудь уродливее этих шрамов?

— Нет.

— Ну вот...

— Нет, я не это хотел сказать, это не так уж и уродливо.

— Не так уж...

— Конечно, ваша левая грудь гораздо красивее, да что там говорить, я в жизни не видел такого тела, как у вас. Вы

очень, очень привлекательны! А это, это похоже на... на ожог, что ли.

— Спасибо, вы меня утешили.

— Вы правда очень красивая.

— А вы ничем не отличаетесь от других. Так что, сделаете?

— Даже не знаю. Да, да сделаю. Но не быстро. Не скоро я хотел сказать. То есть нет, наверно правильно сказать не быстро. Нет, так не говорят. В общем, я работаю бамбуковыми и костяными иглами, знаете, как японские мастера. Я там учился. На все это уйдет не меньше года...

— Год? Ну что ж...

Он просит ее пройти в комнату, в которой в двенадцать месяцев, подход за подходом наносит на ее тело тело Венеры. Она рассказывает, что у Данаи Рембрандта налицо все признаки рака молочной железы, и он вырисовывает лицо, глаза и длинные темно-золотистые волосы. Он рисует шею, плечи и прикрытую рукою правую половину груди. Живот, ноги и чудесную жемчужную раковину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Замыслы: *Роман* 5

Замыслы Саши Филипенко: *Рассказы*

Петю укусила собака 135

Доброй ночи, Краков 143

Эйяфлатлаёкюдль 150

Венера 154

Литературно-художественное издание

Саша Филипенко

ЗАМЫСЛЫ

роман

Редактор

Татьяна Тимакова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Корректор

Ольга Гарнашевич

Подписано в печать 19.12.2014

Формат 70x108^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура Charter. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Заказ № 998.

«Время»

115326, Москва, ул. Пятницкая, 25

<http://books.vremya.ru>; letter@books.vremya.ru

(495) 951 55 68

Отпечатано в соответствии

с предоставленным оригинал-макетом

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>; book@uralprint.ru

16+

К прозе Саши Филипенко лучше всего подходит старомодный эпитет «обаятельный». При том, что его «Замыслы» — суперсовременная, временами жесткая и, я бы даже сказал, безрадостная книга. Но есть в ней притягательное обаяние молодости, легкости, какой-то победительной везучести. Так может слышать и чувствовать жизнь только очень молодой человек. Обаяние и напор — его главные свойства. Слышать время — его главный талант. Но не только! В конце концов, писателя делает замысел, а у Саши Филипенко их даже с избытком. Хочется и того, и другого, и третьего... В конце концов, придется выбрать что-то одно. Но, наверное, это задача его следующей книги.

Сергей Николаевич, главный редактор журнала «Сноб»

Определенная сто пятьдесят лет назад задача литературы — «создать образ современного человека, такого, каким его сделала изошренность современной цивилизации — с его обостренными и вибрирующими чувствами, с болезненно тонким умом, с насыщенным испарениями табака мозгом, с воспаленной алкоголем кровью», с тех пор много раз выполнялась на разные лады, но никогда не оказалась исполненной окончательно. Саша Филипенко добавляет к галерее образов «современного человека», вернее «современного мужчины», еще один — немного диковатый, слегка схематичный, но живой и запоминающийся.

Анна Наринская, литературный критик

Для писателя вторая книга — самая главная, самая ответственная и мучительная. Первая может быть случайной и часто случается по-настоящему последней. «Замыслы» Саши Филипенко — несомненный рывок вперед, в большую литературу, уже заставляющий нас забыть о его первом романе. Теперь перед читателем предстает не журналист, написавший хороший текст, а серьезный профессиональный автор, работающий уверенно, мощно и энергично.

Андрей Аствацатуров, писатель